

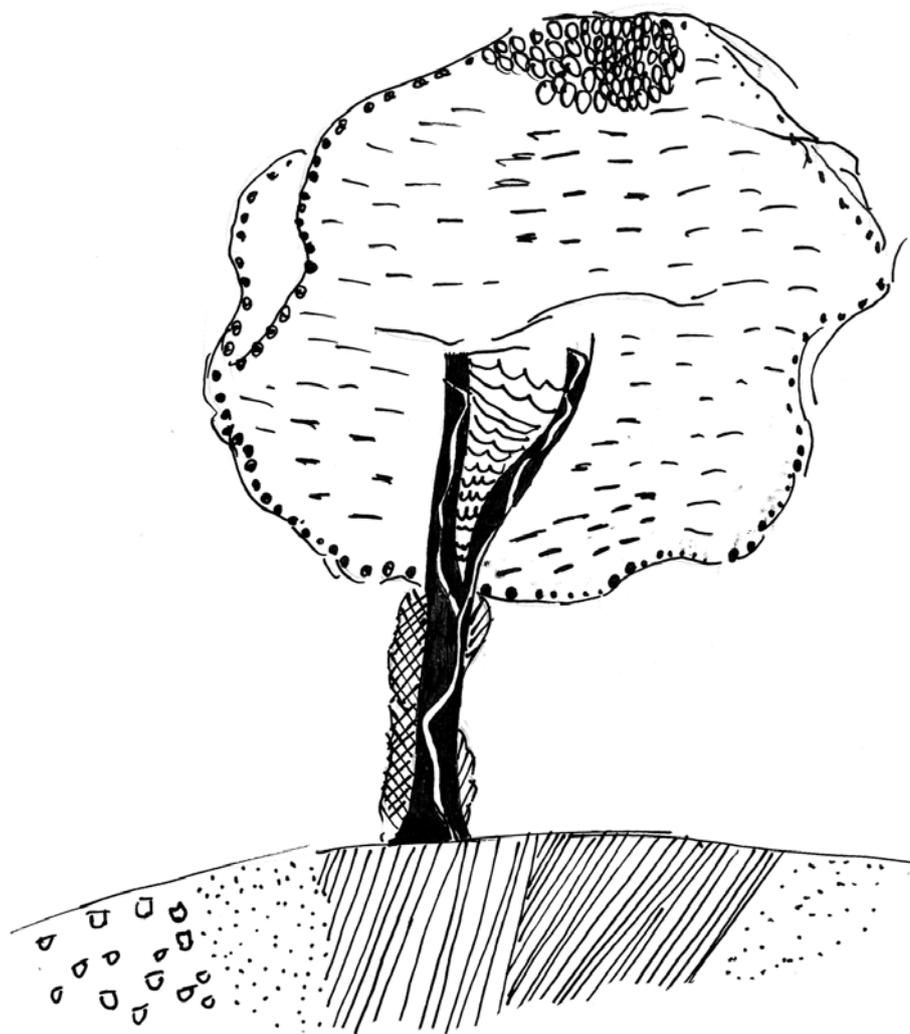
школьный журнал для семейного чтения

Лексикон

№ 11

ФЕВРАЛЬ 2015

издание сообщества учеников, учителей и родителей православной школы «Рождество»

ТЕМА НОМЕРА:

Моя семья. Моя история

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

2014

«Приз Союза журналистов Подмосковья»

Над номером работали:

Главный редактор

Е. В. Семерикова

Иллюстрации

Дарья Богазова

Любовь Богазова

Ирина Гончарова

Тимофей Горшков

Ольга Гречаная

Александр Дьячков

Мария Иноземцева

Дмитрий Карманов

Николай Мустафаев

Александра Осипова

Лукас Петросян

Михаил Подорванов

Анна Семерикова

Дарья Соколова

Александр Ухов

Журнал «Лексикон»

издается с января 2011 года

по благословению духовника

православной школы «Рождество»

протоиерея Александра Елатомцева

Все номера журнала «Лексикон» можно
найти на сайте www.shkola-snegiri.ru

Верстка, печать

С. Ю. Мамаев

Адрес для корреспонденции: 143591,
Московская область, Истринский район,
с. Рождествено, ул. Пионерская, д. 138А.

Корректурa,

первый читатель

В. Ф. Шварц

Электронная почта: rozhd-school@mail.ru

На обложке рисунок

Евдокии Свердловой

© 2015 Православная школа «Рождество»

RSPR 50-02118-Ж-01

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

От редакции	5
Страничка духовника	
Таинственная встреча <i>Отец Александр</i>	6
Тема номера: Моя семья. Моя история	
Родные люди <i>Татьяна Анатольевна Сарыева</i>	7
История в картонной коробке. Часть 1 Рассказы детей и взрослых о том, какие вещи XX века хранятся у них дома и какие интересные истории с ними связаны <i>Нина Георгиевна Гончарова, Ксения Александровна Лопарева, Богдан Кириллович Мамонов, Татьяна Анатольевна Сарыева, Елена Викторовна Семерикова, Дмитрий Геннадьевич Шеваров, Ирина Гончарова, Павел Казанцев, Анна Семерикова</i>	8
Наука расставанья. Флоренские <i>Дмитрий Шеваров</i>	20
Как стать настоящей мамой? Письмо подрастающей дочери <i>Наталья Ялтанская</i>	24
«Какой будет моя семья?» Сочинения-фантазии старшеклассников школы «Рождество» <i>Н. А., Анастасия Баланина</i>	25
Старые игрушки <i>Любовь Боровикова</i>	26
Семейные традиции: привычные и необычные <i>Алексей Юрьевич Пушкин, Елена Викторовна</i>	28
Школьный музей	
«Мы тоже победили в той войне» <i>Сергей Юрьевич</i>	30
Хроники	
Зимние хроники школы «Рождество» <i>По материалам школьного сайта</i>	32
Моменты радости или Внезапно сложившаяся ода всем, кто принимал участие в работе над спектаклем <i>Оксана Николаевна</i>	34
Дела рук наших <i>Валерия Феликсовна</i>	36
«Трудолюбивой и просвещенной...» <i>Михаил Кураев</i>	37
По святым дорогам	
Наша поездка в Ярославль <i>Анастасия Петрова</i>	38

Штудии	
Черновики эссе <i>Арсений Алексеев, Петр Казанцев</i>	39
Веселые уроки русского языка <i>Арсений Алексеев, Эмилия Олесова, Елизавета Чеботарева, Иван Элькин</i>	40
Что такое классика? Размышления 10 класса <i>Андрей Безбородов, Степан Бурков, Егор Елатомцев, Николай Недошивин, Анастасия Ухова, Анна Фролова</i>	41
На крыльях ветра	
Tall ship Race 2014 <i>Алексей Евгеньевич Серочкин</i>	42
На младшей лестнице	
Зимние истории <i>Алексей Киселев, Григорий и Мария Конаковы, Софья Краснова, Тимофей Петров, Анна Ялтанская</i>	46
Первоклассные сказки <i>Анастасия Батыченко, Александра Кошолан, Александра Мингазова, Анна Семерикова, Георгий Ялтанский</i>	48
Наша Малая Академия	
Соловецкие белухи Опыт наблюдения <i>Егор Елатомцев</i>	50
Антология	
Песни зимы Поэзия и проза учеников и учителей школы «Рождество» <i>Отец Александр, Елена Викторовна Татьяна Анатольевна, Елизавета Тютюнджи</i>	51
Чтение навыrost	
Сретенье <i>Иосиф Бродский</i>	54

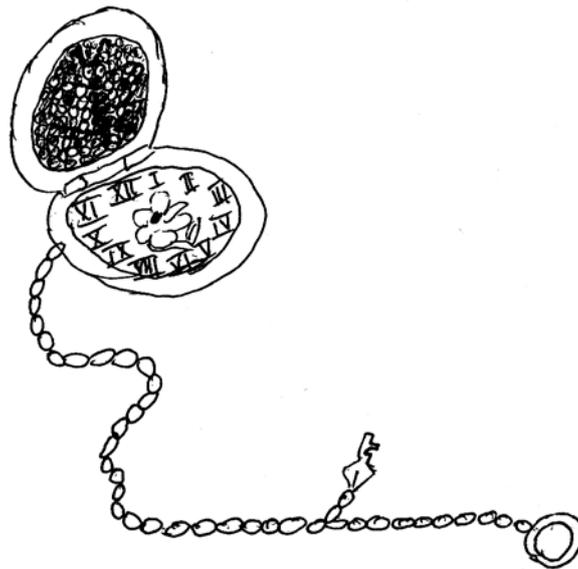
* * *

Вы, наверное, очень удивились, увидев нерождественский зимний номер «Лексикона»? Да мы и сами, честно говоря, тоже. Но столько есть еще всего, о чем хотелось бы поговорить короткими зимними днями, что мы решили на этот раз изменить традиции и избрать темой номера тему нынешнего школьного года – «Моя семья. Моя история». В самом деле, ведь каждому человеку, сколько бы лет ему не было, важны его семья, его род.

Род, родовое древо – мы часто слышим эти слова, но где на этом древе наше место, как связаны мы с нашими предками и какие мы сами потомки? Во многих ли семьях жива родовая память? Ведь прошедший двадцатый век недаром был назван «веком железным», топор многочисленных войн и революций с неистовой страстью обрубал ветви и корни почти на каждом родовом древе, чтобы мы не знали, не помнили своих родных, бывших до нас. Да и век нынешний, не железный, а пластиковый, тоже старается, мутит человеческую душу, разрывая семейные связи, предлагая человеку выживать в одиночку. Но нам жить именно в этом веке. Так что разговор наш будет не только о прошлом наших семей, но и о настоящем, и даже о планах на будущее. О трудностях и радостях домашнего бытия, о традициях, которые укрепляют семью. «Создать семью не так уж и сложно; сложнее ее взрастить духовно – чтобы она стала колыбелью, школой и храмом Любви, малой Церковью», – сказал один из юных авторов этого номера. Вот на какую серьезную тему мы замахнулись в новом году. Скорее всего, мы только начали разговор, требующий продолжения. Продолжения самой жизнью, а не только текстами под обложкой.

Впрочем, и обычной детской радости, и искрометной фантазии, и неожиданным открытиями и приключениями, как всегда, в «Лексиконе» тоже есть место.

Читайте и сочиняйте журнал вместе с нами!

Таинственная встреча

*...Неотвратимое настало время.
И жизнь моя, пронизанная светом,
Ожидает лишь дуновенья смерти...*

Томас Стернс Элиот

Праздник Сретения Господня – это удивительный отголосок Рождества, последний его аккорд. Здесь Христос последний раз показан нам как младенец. Больше мы Его уже не увидим таким крошечным, молчащим и передаваемым из рук в руки. Тем более красноречивым выглядит Его младенчество и молчание. Мы видим Его младенцем, но таким младенцем, который может сказать всем: «Не старец меня держит, но я держу его, ибо он у меня отпущения просит». Чтобы услышать эти и подобные им слова, стоит прийти на вечернюю службу Сретения. Церковь призывает нас «душевыми объятиями непрестанно обнимать воплощенное Слово». Старец Симеон, обнявший еще безмолвного младенца, становится бессмертным. Он проходит сквозь смерть, как сквозь стену. Для него смерть уже не страх и ужас, а удивительная перемена, долгожданная и желанная.

Еще Сретение – это встреча двух заветов, Ветхого и Нового. Здесь делается особенно заметным, как Ветхий завет стремится к Новому. Без этой встречи Ветхий завет рискует остаться дряхлым стариком, никому не нужным со всеми своими запретами и предписаниями. Благодаря этой встрече он делается по-настоящему благодатным старцем, показывающим всем нам весь смысл на случай жизни и на случай смерти.

Противопоставление дряхлого старца и новорожденного Христа перестает быть трогательным сравнением старого и нового, отжившего и начинающего жить. В этот день нам может открыться простая истина: младенец Христос для старца Симеона не символ жизни, а сама жизнь.

Отец Александр

Сретение Господне. Фреска из монастыря Дионисиат на святой горе Афон

Родные люди

Родство... Род... Родные люди... Те, чья кровь течет в нас, с кем связь – крепче смерти... Скучны наши сведения о жизни предков. И мало кто из нас понимает, как он несказанно богат, сколько родов стоит за его плечами, какое многообразие восприятия мира и жизни хранит в себе его прошлое. Тем более ценно для нас наследие – имена родственников, сохранившиеся в нашем таком чутком на все доброе языке.

Муж и жена, папа и мама, сын и дочь, брат и сестра, дядя и тетя, племянник и племянница, свекор и свекровь, невестка и зять, внук и внучка, тесть и теща...

Сколько имен! А ведь дать имя – значит дать место в своем роду и в своей душе. Значит – оказать уважение, любовь и честь, принять. Это древнее занятие, святое, подобное тому, как в Раю давал имена всему живущему наш прародитель Адам...

Вслушайтесь в звучание этих слов! Повторите вслух каждое. На какие из них Ваше сердце отзывается ласково?

«Дочечка, дочурушка, донюшка! Сынулечка, дитятко мое родное», – выпеваются сердцем родительским словом. «Любимая матушка, родимый папенька», – шепчут в ответ детские губы. Но разве менее ласковы, менее глубоки старинные имена «свекор», «свекровь»? Для кого-то они звучат строго, почти сурово, холодно. Однако если исходить из внутреннего их смысла, они трепетны и глубоки... Вышедшая замуж женщина вступает в род иной. С глубоким уважением к этому роду и признанием его теперь своим она называет мать своего мужа – свекровью, что значит – «своя кровь»...

«Зять»... Зятем зовут мужа дочери, ранее называли и мужа сестры, и мужа золовки... В пространстве современного бескультурья часто слово это воспринимается с раздражением, в

негативном ключе. Но ведь зять – это «тот, кто взял». Какая удивительная сила и решительность, энергичность заложена в слове! Она пронизана уважением к достоинству и духовной силе «взявшего» на себя попечение и заботу о «немогущем сосуде» – выросшей дочери, ответственность за ее судьбу перед Богом и людьми.

«Тесть, теща»... Так называют муж мать и отца своей жены. Ученые возводят эти слова (а также

и слово «отец») к корню -tek- «производить, рождать». Значит, «теща, тесть» – родившие, давшие жизнь. В словах этих – глубокое почтение к людям, от любви которых получила жизнь будущая жена мужчины.

«Племянник» – значит, «своего племени», родной человек. Слово энергичное, бодрое, полное

согласия и признания в том, кому оно адресовано, родной крови, причем родной всему роду-племени.

«Кум», «кума» (крестные родители по отношению к родителям крестника и друг к другу)... Эти слова – для обозначения духовного родства, не менее крепкого, чем кровное. А в старину ласково называли их «божат», «божатка».

И еще есть в нашем языке слова давние, древние, внутренний смысл которых нами уже утерян. Сват, сватья – родители одного из супругов по отношению к родителям другого супруга. Шурин и свояченица – брат и сестра жены. Свояк – муж свояченицы. Деверь и золовка – брат и сестра мужа. Каждое из них – как глубокий колодец чистой свежей воды. А в ней – отражения наших предков, их родные лица... И каждый из нас, заглядывая в эти слова-колодцы, думает о чем-то своем, видит что-то свое... То, на что сердце отзывается.

*Татьяна Анатольевна Сарыева
Фото из архива отца Александра*

История в картонной коробке. Часть 1

Рассказы детей и взрослых о том, какие вещи XX века хранятся у них дома и какие интересные истории с ними связаны

В любом доме есть вещи из прошлого, хранимые бережно, потому что в них жизнь дорогих нам людей, хотя бы это была всего лишь треснувшая черно-белая фотокарточка. Эти вещи, лежащие в коробках и старых чемоданах, – хранители памяти. Но не только родовой и семейной. Они – живые свидетели истории нашей многострадальной родины. И часто какая-нибудь чудом уцелевшая прабабушкина серебряная ложка, бабушкина брошь и дедушкин портсигар расскажут нам об истории Отечества больше и интереснее самого продвинутого учебника. Прикасаясь к ним, мы особенно остро чувствуем свою связь друг с другом и с Богом.

«Наши вещи – это воплощенная память...»

Вещи как таковые мало что для меня значат, но некоторые из них не просто предметы, но некий «неразменный пятак», «сдача» с прожитых моментов жизни. Это последнее, что осталось от прошлого, это часть прошедшей жизни в настоящем. Возможно, лет через сорок дочка моя Иринка посмотрит на мой, скажем, стаканчик для карандашей, купленный еще до ее рождения на острове Крит, и вспомнит, как вечерами мы сидели с ней рядышком – я за компьютером, рядом с ним на столе этот стаканчик, а Ира – на диване с энциклопедиями о животных. Все изменится, а стаканчик останется молчаливым свидетелем прошлого.

Вещи «аккумулируют в себе время», как написала однажды Л. К. Чуковская, и, добавлю, не только время, но и судьбы. При этом они для наших детей не несут в себе никаких тайн – для них это просто «мамино кольцо», или «папина шкатулка», или таинственного происхождения картинка, знакомая с детства. Дети часто даже не задумываются, что для людей, бывших до них, эти вещицы могли иметь какой-то иной, подчас сокровенный, смысл. Откуда этот полустертый образок? Что это за пожелтевшие от времени кружева в коробке от конфет? Что за сломанные чайные ложки лежат в новенькой шкатулочке?

Отцовские трубка и кисет

Наши вещи – это воплощенная память; кахнувшие слезы, отголосок смеха, отзвук голосов, тень на стене... Я держу в руках эти вещицы, и для меня продолжается незримое присутствие тех людей, с которыми они навсегда связаны в моей памяти, – моих родителей, моих дедов... Да я и сама вижу себя в них совсем не такой, какая я сейчас...

Вот на старой черно-белой фотографии – нарядный кисет, такой пузатый, битком набитый табаком. По его красному фону бегут белые, черные, желтые, синие, зеленые, прозрачные бусинки в затейливом узоре, а в серединке – металлическая, потемневшая от времени пуговка – якутский оберег от зла (так говорил папа). Когда-то мой отец, Ирин дед, курил трубку, а табак хранил в кисете, как и положено; теперь же кисет давно пуст и стоит в моем книжном шкафу, опираясь на коричневые томики отцовского собрания сочинений Пушкина.

В кисете лежит записочка, написанная папиной рукой: «Я получил этот кисет от старого якута в подарок за то, что я помог ему поднять чемодан на верхнюю полку вагона в поезде Москва – Владивосток в ноябре 1938 года, когда я ехал в Бикин к месту срочной службы в Красной Армии». То было время коротких военных инцидентов, предвестий Большой войны, когда нашу страну «пробовали на прочность», – примерно как и сейчас. Папу призвали односторонником (то есть на год, поскольку он уже окончил институт и преподавал). Когда я была маленькая, он мно-

го рассказывал мне, как призывники ехали туда через Урал, Байкал, бесконечную заснеженную зимнюю тайгу.

Где-то посреди Восточной Сибири, на каком-то Богом забытом полустанке к ним в вагон попросился какой-то старый якутский дед. Якута приняли, причем он сначала зашвырнул в тамбур мешок, лыжи, а потом и сам вскочил уже на ходу. Посмеявшись его прыти, молодые красноармейцы хотели помочь ему с вещами, но мешок оказался неподъемным. На вопрос «Что ты, дед, кирпичи там везешь, что ли?!», старик невозмутимо отвечал – «Медвежишко, однако...»

Медвежью шкуру он вез, как выяснилось, в подарок приятелю, жившему совсем рядом (по сибирским-то масштабам), всего каких-то четыреста километров. А ехал он туда просто чайку попить – по-соседски. Дед был приятный, симпатичный; он и поболтал с ребятами, и поспал, потому что от полустанка, где он собирался сойти, ему было уже рукой подать до друга – всего лишь километров полтора. Пробежаться по тайге на лыжах с медведем за горбом, а там и друг сердечный ждет с самоваром...

А отец доехал до станции Бикин, где провел около полугода в боях с японцами и после тяжелой контузии вернулся в Москву долечиваться и работать в школе. В его шерстяной фуфайке, которую он для тепла поддевал под гимнастерку, я грелась в холодные зимние дни во время университетской зимней сессии, когда восточный ветер выхолаживал нашу современную московскую квартиру. Это тоже был кусочек не просто папиной судьбы, но и нашей отечественной истории, ставшей частью и моей жизни.

...А вот другая история. В нашем доме в кабинете Ириного папы в иконном углу стоят новые иконы, красочные, яркие; среди них висит на стене потемневший старинный образок в овальном серебряном и тоже потемневшем окладе. Этот образок всегда висит у него на стене, где бы мы ни жили. У него особая история, которую приходится начинать издалека. Когда-то у меня была двоюродная бабушка, мамина тетя, Мария Георгиевна Павлова, которую все

и всегда называли тетей Марусей. Она окончила Новочеркасский институт благородных девиц, и, как все выпускницы, получила этот образок – Успение Богородицы.

В 1937 году тетю Марусю арестовали и приговорили к десяти годам лагерей за две случайные фразы: о голоде на Украине и о том, что нынче во время праздников улицы раскрашиваются в один красный цвет, а раньше было цветов больше (надо думать, были еще синие и белые цвета – как сейчас). Два года она провела в тюрьме. Спас тетку – и целую группу ее «подельников», ибо было это групповое «Дело библиотекарей», – как ни странно, следователь НКВД по фамилии Коржов. Он добился пересуда – и второго, и третьего, во время которого всех освободили за отсутствием состава преступления прямо в зале суда. Кстати, самого Коржова никто не спас: его позже расстреляли, и это все, что мы знаем об этом храбром человеке.

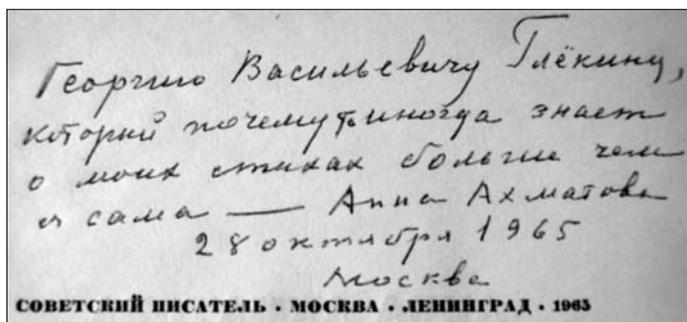
Тетя Маруся осталась одна – ее сестра умерла за полгода до того. После ее смерти пропала и комната, в которой сестры жили, – родные спасли только какие-то вещи. Тетю Марусю взяла к себе жить вдова брата. Работы не было – устроиться после тюрьмы было непросто, а сидеть на шее у невестки не хотелось. Тетя Маруся жила впроголодь. Надо было продавать вещи, но делать этого она не умела. И тогда она пошла к своей знакомой, Марии Васильевне Гончаровой, мужа которой, профессора Новочеркасского Политехнического института, таскали каждую ночь на допросы. Утром он шел на работу, а вечером все повторялось. После очередного такого дня Александр Николаевич Гончаров (дед моего мужа) скоропостижно умер дома от инфаркта, очевидно, хорошо почувствовав грозящие ему перспективы. К его вдове и пошла за помощью наша тетя Маруся, а та поговорила с соседкой, и через пару дней был продан книжный шкаф, а тетя получила хоть какие-то деньги. В благодарность она подарила Марии Васильевне, кроткой и набожной женщине, свой образок – Успение Божией Матери.

Георгий Васильевич Глекин, когда началась его дружба с Анной Ахматовой. 1959 год

...Прошли годы. Умерли и тетя Маруся, и Мария Васильевна. Образок остался у ее дочери Натальи Александровны Гончаровой, в детстве бывшей школьной подружкой моей мамы. Своих детей у нее не было, и сын ее брата, Саша Гончаров, стал особенно близок и ей, и ее мужу. Окончив в Москве Институт стали и сплавов, Саша поселился отдельно от отца с мачехой в крошечной комнатке в коммуналке. И на новоселье его тетя Наташа подарила ему этот, теперь уже свой, овальный образок. А потом случилось так, что наши родители возобновили дружеские отношения, прерванные на много лет после отъезда маминой семьи из Новочеркасска. А еще через несколько лет мы с Сашей поженились, и старый образок моей бабушки-тети Маруси стал своего рода незримым благословением нашего брака, которому сегодня уже больше тридцати лет. Это к вопросу о браках, заключающихся на небесах...

...Много вещичек осталось мне и от отца, но самое главное в этом архиве, конечно, последний прижизненный сборник стихов Анны Ахматовой «Бег времени». Отец много лет дружил с Анной Андреевной, бережно хранил ее автографы, фотографии с дарственными, ее книги. На «Беге времени» Ахматова сделала такую надпись: «Георгию Васильевичу Глекину, который почему-то иногда знает о моих стихах больше, чем я сама» — Анна Ахматова 28 октября 1965 Москва

Дарственная надпись, сделанная Анной Ахматовой на сборнике стихотворений «Бег времени». Октябрь 1965 года

Все эти вещицы составляют часть накопившегося за много лет семейного архива, сохраняют в себе трепет давно прошедших жизней — надежды, страхи, любовь, юмор, печаль. А еще —

историю Отечества нашего, потому что она неразрывно сплетена с жизнями конкретных живых людей, потому что она — и есть их судьбы. И мне радостно видеть, как серьезно относится к архиву Ирина, будущий хранитель семейной памяти, а значит, и истории нашей страны.

*Нина Георгиевна Гончарова,
мама пятиклассницы Ирины*

«У нас дома очень много старинных вещей...»

У нас дома очень много старинных вещей. Им за сто, а то и за двести лет! Например, пресс-папье, часы, которым 111 лет, 100-летние кружева... Их берегли не ради богатства и барахла. А как память о людях, которым они когда-то принадлежали. Это память о дедах, прадедах, бабушках и прабабушках.

Я расскажу о лорнете. Лорнет — это заменитель очков. Как он выглядит, вы можете увидеть на рисунке. Лорнет сделан из панциря черепахи, у него приятный золотисто-коричневый цвет. Он принадлежал моей прапрабабушке Надежде Константиновне Сперанской. Таким образом, ему под 150 лет, а может быть, и больше! С лорнетом читали дома, но на улице это было неудобно. А очки носить женщинам было неприлично.

Ирина Гончарова, 5 класс

Часы доктора Волянского

*Нет ничего более промыслительного,
чем случайная встреча*

*Ах, как мало времени в жизни
и как много любимых и прекрасных людей.
Никогда не успеть отдать каждому
столько, сколько ему нужно...*

М. Волошин. Из письма от 30 ноября 1916 года

Среди немногих вещей, сохранившихся у нас в семье от моего прадеда Елисея Ивановича Волянского, — его карманные часы. Верхняя крышка и циферблат не сохранились, давно заржавевший механизм беззащитно об-

нажен. На обратной крышке, украшенной выгравированными медалями, – надпись, указывающая на то, что часы изготовлены швейцарской фирмой Longines (Лонжин) в 1900 году. Под крышкой, на регуляторе точности, написано сверху Avance (быстрее), а ниже – Retard (медленнее).

Иногда по утрам я беру в руку эти часы и пару секунд прислушиваюсь: вдруг за ночь произошло чудо и они пошли. Но молчат, навечно сцепившись, шестеренки-колесики. Я даже не знаю, когда они остановились, когда последний раз они показали точное время. А эта точность была очень важна для Елисея Ивановича, ведь он был военным врачом, начальником лазарета Черноморского флота.

Впрочем, речь не о часах, а о том времени, которое они отсчитывали.

* * *

В ноябре 1916 года судьба свела доктора Елисея Ивановича Волянского с поэтом Максимилианом Александровичем Волошиным.

Елисей Иванович не успел оставить воспоминаний об этой встрече, как и вообще каких-то записок о своей жизни: революция и последующие события не дали ему такой возможности. Дневников он не вел, писем его не сохранилось.

Поэтому я могу лишь реконструировать эту встречу по письмам Волошина (его письма за 1916 год вошли в 10-й том собрания сочинений) и воспоминаниям моей бабушки Веры Елисеевны.

Началась эта история 17 июля 1910 года. В тот день Максимилиан Волошин упал с велосипеда и серьезно повредил правую руку (разрыв локтевых связок). В начале Первой мировой войны такая травма освобождала от направления в армию. Волошин говорил: «Судьба заботливо сломала мне правую руку, отняв у ней возможность стрелять и убивать, оставила ей возможность писать и рисовать...»

Но после огромных потерь, понесенных русской армией, отсрочки были сняты. И даже увечные должны были предстать перед медкомиссиями. В конце октября 1916 года 39-летний поэт получил предписание явиться на освидетельствование в Керченский военный лазарет.

Похоже, Волошина сразу же принял мой прадед, служивший в ту пору в звании полков-

ника начальником лазарета. Имя Максимилиана Волошина, несомненно, было знакомо ему. И скорее всего не по стихам, а от общих знакомых (жена Елисея Ивановича, Вера Михайловна, была из литературной семьи). Кроме того, Елисею Ивановичу, возможно, попадались на глаза «Биржевые ведомости», где на протяжении 1915 года печатались репортажи и очерки Волошина из Франции, с Западного фронта.

А каким был мой прадед в ту пору? Ему было 49 лет. Выпускник Петербургской военно-медицинской Академии, хирург, участник русско-японской войны. У него четыре сына и дочка. Дочка – это как раз моя бабушка Вера Елисеевна. В 1916 году ей было семь лет.

*Семья военного врача Елисея Волянского.
Керчь. 1913 год*

16 ноября Волошин возвращается домой, в Коктебель, с белым билетом в кармане и самыми добрыми воспоминаниями о госпитале и военных врачах.

25 ноября Волошин получает в Феодосийском уездном воинском присутствии бессрочное свидетельство, признавшее его «совершенно неспособным к военной службе...». 11 декабря Волошин вернулся в Коктебель.

А что было дальше? 24 декабря 1916 года Волошин уезжает поездом в Москву. Там он встречает последнее Рождество старой России.

Волянский продолжает лечить раненых и больных. Праздники почти ничего не меняли в жизни начальника лазарета. Впрочем, на Рождество в крепости устраивалась елка, на которую приглашались все офицерские семьи. Бабушка вспоминала: «Елка была огромная – до самого потолка зала (а потолки были высоченные, этажа в два наших сегодняшних). Она си-

яла свечами, дети, взявшись за руки, под звуки духового оркестра мчались вокруг елки. Чудесно пахло хвоей и свечами. Незабываемый запах! Ведь елку со свечами не сравнишь с холодным светом, хотя бы и разноцветных лампочек. Было очень весело...»

Февральская революция, отречение государя. «Настроение у взрослых было приподнятое, полное надежд, – вспоминала Вера Елисеевна. – на первую городскую демонстрацию мы всей семьей выехали в город на линейке... Вообще в городе было какое-то постоянное напряжение: одни были «за», другие – «против». К счастью, наш лазарет был далеко от города... Правда, и в лазарете начались митинги. В остальном все у нас было по-прежнему – так мне, ребенку, казалось. Больных и раненых лечили, как всегда. Но когда начались бои, канонада с моря, мы почувствовали, что прежняя жизнь, наверное, не вернется уже никогда...».

Не знаю, виделись ли еще Волошин и мой прадед. Похоже, что нет. Но их дальнейшие судьбы говорят мне: это были люди одного нравственного выбора.

После революции оба остались на родине – и доктор Волянский, и Волошин. Когда весной 1919 года друзья-писатели уговаривали Волошина ехать с ними за границу, Максимилиан Александрович ответил: «Когда мать больна, дети ее остаются с нею».

К лету 1917 года Елисей Иванович получил звание генерала, за которое уже осенью его в любой момент могли растерзать. Оставаясь в России, он рисковал всем: детьми, любимой работой, жизнью.

Отправив семью из Керчи к родственникам в Одессу, Елисей Иванович вынужден был некоторое время скрываться в Киеве, у друзей. Возможно – Бог знает! – останавливался он и у Волошина, ведь у поэта находили кров и спасение десятки, сотни

преследуемых то красными, то белыми людей.

Елисея Ивановича, как врача «из бывших», нигде не брали на работу. Показывать какие-либо документы о том, что он был начальником лазарета в генеральском звании Елисей Иванович, конечно, не мог. Свое право на работу в медицинском учреждении ему пришлось неоднократно и мучительно доказывать. Хорошо, находились порядочные коллеги, которые подтверждали, что он действительно врач.

Одно такое поручительство дошло до наших дней: «Настоящим свидетельствуем, что гражданин Волянский Е. И. до революции 1917 года состоял врачом в войсковых частях, госпиталях Одессы и Керчи». Подписи: врач Ф. М. Жвиер, врач Г. И. Гольденберг.

Последние годы Елисей Иванович Волянский работал участковым врачом в одесской поликлинике №6. Умер Елисей Иванович в 1932 году. В один год с Волошиным.

Дмитрий Шеваров

Таксифот: окно в таинственный, манящий мир

Вэтом маленьком тексте речь пойдет не про то, что лежит в старой коробке на чердаке, а о самой коробке... Впрочем, коробка эта – не совсем коробка, да и стоит она не на чердаке, а бережно хранится в моем кабинете, как некогда хранилась в ателье моего отца, а до этого у тети Фани, а до этого... впрочем, обо всем по порядку.

Предмет, о котором пойдет речь, многие из вас уже видели. Это легендарный Taxifote, чьим обладателем был мой прадед Григорий Шпейер – известный инженер, живший в начале двадцатого века в Коломне. Человек разносторонних дарований, прадед выписал в 1910 году из Франции стереоскопический фотоаппарат, а в придачу к нему специ-

альное устройство, которое позволяло делать стереоскопические фотографии. Это устройство и есть таксифот. Он был изобретен в 1908 году французским инженером Григорием Шпейером. Таксифот – это стереоскопический фотоаппарат, который позволяет делать стереоскопические фотографии. Он был изобретен в 1908 году французским инженером Григорием Шпейером.

альное устройство, которое позволяло делать стереоскопические фотографии. Это устройство и есть таксифот. Он был изобретен в 1908 году французским инженером Григорием Шпейером. Таксифот – это стереоскопический фотоаппарат, который позволяет делать стереоскопические фотографии. Он был изобретен в 1908 году французским инженером Григорием Шпейером.

Часы доктора Волянского

Просмотр стереофотографий на таксифоте

альный прибор – таксифот, странную машинку, наделенную сложнейшей системой линз и особым механизмом, позволяющим менять кадры. Изображения эти были нанесены на тончайшие стеклянные пластины, хранящиеся в специальных кассетах, которые скрывались в объемной, обитой деревом утробе таксифота. Мне известно, что подобный прибор находился в собственности последней царской семьи (сейчас он в Александровском дворце), другой такой же аппарат хранится в музее Гильденвейзера.

Пикники, прогулки по тенистым аллеям, теннис, игра в чехарду и прочие забавы его детей и гостей – вот основной спектр тем, которые занимали прадеда. В них не было бы ничего оригинального, если бы не редкое композиционное чутье и удивительная жизненность этих кадров, которые, вкупе с эффектом стереоскопии, придают им неожиданную силу.

Основной корпус стереофотографий был снят Шпейером в 1913 году. По-видимому, это был последний счастливый год семьи.

Ощущение беззаботности и неомраченного счастья пронизывает хрупкие стеклянные пластины, созданные в тот предвоенный год.

В 1914-м началась Первая мировая. Григорий Шпейер с женой Ниной Карловной и тремя дочерьми – Фаиной, Маргаритой и Лидочкой – остались в России.

Впрочем, первое время дела шли недурно. Даже грянувшая революция, как ни странно, не отразилась на благополучии семьи. Авторитет Шпейера-инженера стал пропуском в новую жизнь, страна Советов нуждалась в специалистах, а национальный вопрос еще не стоял так остро.

Конец 20-х в жизни семьи закрыт плотной завесой. По-видимому, запас стеклянных пластин был исчерпан, а о новых мечтать не приходилось – связь с Парижем была утрачена. Судьба, так долго дававшая отсрочку, настигла прадеда в 1932 году. Власть инициировала так называемое «дело инженеров», сегодня уже порядком забытое. Григорий Шпейер оказался в числе подозреваемых и был арестован. В тюрьме он по-

гиб при невыясненных обстоятельствах. Имущество было конфисковано. Чудом уцелел только таксифот, архив стереоскопических фотографий да рабочий стол. Старшие дочери – Фаина и Маргарита (Гретя) – хранили эти реликвии у себя в Коломне, а в 1972 году, чувствуя приближение смерти, передали их моему отцу – Кириллу Мамонову. Пару раз, в детстве, я видел сестер – маленьких, очень морщинистых старушек, но образ юной Фаины, созданный прадедом в 1913 году в «Речках», часто наполнял мои детские грезы. В детстве мне не были доступны радости моих сверстников, я воспитывался без телевизора, разумеется, мы ничего не знали о компьютерах. Таксифот странным

Одна из стереофотографий на стекле из архива Григория Шпейера

образом стал для меня неким окном в мир, однако мир далекий, таинственный и манящий. Он был слишком отличен от окружавшей нас советской реальности... Я бы сказал, что оптическая иллюзия таксифота стала для меня более реальной, чем реальность жизни.

Прошли годы. В 1998 году, работая над проектом о римском императоре Калигуле, я обратился к архиву Шпейера в поисках образа невинной жертвы тирании. С тех самых пор таксифот прочно вошел в мое творчество, а Шпейер на долгие годы стал моим соавтором. Он перестал быть для меня умершим, но я часто обращаюсь к нему, как обратился бы к живому партнеру и помощнику. У меня большая семья – семеро детей, но мне приятно думать, что в моем кабинете стоит деревянная шкатулка с очулярами, шкатулка, подернутая патиной, и в ней живут маленькие человечки – предшественники моей семьи. И я всегда могу заглянуть туда, в их маленький чудесный мир, и спросить – вы там?

Богдан Кириллович Мамонов

Картина за модельные туфли

Мой двоюродный прадедушка, брат папиной бабушки, Сергей Иванович Шаров, был сапожником и жил в селе Рождествено. В 1924 году он построил деревянный дом, в котором мы жили летом на даче, пока он не стал совсем старым. Его отца, Ивана Степановича Шарова, расстреляли в 1937 году за то, что он верил в Бога. Арестовали и увезли, а потом убили на Бутовском полигоне. Это мы недавно узнали. Иван Степанович тоже был сапожник, у него был свой дом в Рождествене на той улице, которая ведет к роднику. Этот дом стоит и сейчас, там живут люди. Все сыновья Ивана Степановича были сапожниками. И он сам был сыном сапожника.

Прадедушка Сережа делал очень хорошие женские модельные туфельки, у него всегда было много заказов. Однажды (папа говорит, это было в двадцатых годах, еще до колхозов и до войны) московский художник Федоров заказал дедушке туфли для своей жены. И дедушка сделал. Наверное, это были очень красивые туфельки, потому что художник дал за них две большие картины, написанные маслом. Пейзаж с лесом висит у нас на стене в детской. А пейзаж с морем – у папиного брата, дяди Миши.

Анна Семерикова, 3 класс

«Ваши родственники, уроженцы села Рождествено...»

Все корни родословного древа моего мужа тянутся из села Рождествено. Его прадед по материнской линии, Иван Степанович Шаров, как и многие мужчины в селе, был потомственным сапожником. Отец, дед и прадед Ивана тоже сапожничали. Маленький Ваня отходил две зимы в школу при храме, устроенную в Рождествене владельцем усадьбы, графом Илларионом Николаевичем Толстым, и с девяти лет был «посажен на липку» сучить

шершавую дратву. И все трое Ивановых сыновей – Гавриил, Сергей и Алексей – тоже с малолетства были обучены сапожному делу.

Иван отплакал положенный срок в учениках, стал самостоятельным мастером и пошел в Москву на заработки. В девятисотых годах прошлого

века он уже в парнях ходил, женихаться собрался, да чуть не замерз в чистом поле аккуратно под самое Рождество, в сочельник, 24 декабря 1901 года по старому стилю. Случилась с ним тогда настоящая святочная история. Уже построили и открыли Московско-Виндавскую железную дорогу, три раза в неделю ходили паровозы от Москвы до Рже-

ва. Он и приехал «по чугунке», как тогда говорили, до станции Гучково (теперь это станция Дедовск), спрыгнул с высоких вагонных ступенек на деревянную платформу, которая шла почти вровень с рельсами, и двинул полем в сторону родного Рождествена. Там как раз был престольный праздник. Шел-посвистывал, мешок с гостинцами за спиной, денег полные карманы – заказов перед праздниками много было.

Вдруг, откуда ни возмись, малое облачко,росло целой горой и посыпало снежными перьями. Ветер поднялся... Настоящая буря! Что делать? Деревня вроде как близко, звон ко всеобщей слышно, а дороги в снежной кутерьме не видать. Крутило парня, крутило, снег набился и в сапоги, и за ворот. И сил идти больше не было. Заполз Иван в сугроб да там и остался. Рождество встретил в поле, как евангельские пастухи. Вспоминал всю ночь молитвы, какие знал, в голос читал. Потом умаялся и уснул. А дома мамка Акулина ждала, с пирогами по случаю праздника. Утром, чуть свет, буря утихла, выкатилось солнышко. Иван (это чудо, что он не замерз) выбрался на свет Божий, отряхнулся и потопал по снежной целине как ни в чем не бывало. Добрался до дома, а там родня уже всю гуляет. Никто даже не удивился. Мамка только сказала: «Ну, слава Богу, все ж приехал. Я думала, ты в Москве решил остаться». А прадед чуть в сугробе душу Богу не отдал. Но вот уберет Господь!

Скоро Иван женился, завел свою мастерскую. Хорошо жили, крепко, не бедствовали.

Картина художника Федорова

Дом-пятистенок на улице, что у родника, стоит до сих пор. Жена собралась родить четвертого парня, да померла в родах. И младенчик помер. Иван погоревал-погоревал, да куда деваться, женился в другой раз – тяжело мужику с ребятами одному. И пошли у них с новой женой одни девки – Анна, Пелагея, Наталья. Тут бы и конец сапожному ремеслу, но средний сын, Сергей, был парень с умными руками, перенял от отца сапожное искусство как следует, и сам шил модельную обувь.

Тут грянула революция. И все полетело в тартарары. Мастерская не приносила дохода, ученики и подмастерья разбрелись кто куда.

Голову бы сохранить целой, какая уж там фасонная обувь. Собрал Иван Степанович свой сапожный товар, набил мешок, такие же мешки навязали на спины старшие сыновья, Гавриил и Сергей, и пошли подалее от голода и мора в хлебные губернии на Волге, до Казани добрались. Стали, по тогдашней новой революционной терминологии, «мешочниками». Ездили на крышах вагонов, сбывали поволжским крестьянам свои сапоги, а за них получали белый хлеб. Но хлеб-то еще домой довести надо. А как? Всюду кордоны и патрули. Бойцы продотрядов в шлемах с красной звездой, с примкнутыми штыками шарили в каждом мешке: если найдут зерно – вываливают, а «мешочника» – к стенке. Но Иван Степанович не был бы Иваном Степановичем, если б снова не вышел из этого переплета, как когда-то в юности. Сообразил взять два мешка – побольше и поменьше. В тот, что побольше, насыпал сухарей (их почему-то не отбирали) и в середку вставил другой мешочек, поменьше, с пшеницей. Завязал потуже, закинул на спину – и на вокзал. А на вокзале – красноармейские патрули.

– А ну стой! Сымай! Че там у тебя?

– Известно дело, братки, сухари тама.

Продотрядовцы тычут мешок своими штыками – сухари скрипят и крошатся. А до зерна дойти не пускают.

– Ладно, проваливай!

– Бывайте здоровы!

Несколько раз хитрость удавалась, но однажды старший сын Ивана, Гаврила, попался. Мешок, что ли, лопнул – обнаружили зерно, потащили парня в губчека. Плохо дело. Отец за ним побежал. Уж не знаю, что он там им втолковывал, может, сапоги хромовые, лучшие, что у него были, подарил самому главному чекисту, но отпустили они Гаврилу.

Как закончилась смута, в середине двадцатых годов, Шаровы снова развернули сапожную мастерскую у себя в Рождествене. Тогда как раз Ленин объявил по всей стране НЭП* и

*Иван Степанович Шаров.
Расстрелян в Бутово
в 1937 году*

всеобщую электрификацию, товарно-денежные отношения пришли на смену карточкам и арестам. Крестьяне сдавали зерно государству в заранее определенном количестве, а излишки оставляли себе и продавали. Понятное дело, сеять теперь стали гораздо больше, чем в революционную эпоху, и голод закончился. Деревня разбогатела, разрослась, обстроилась чайными. Опять понадобились людям хорошие сапоги и туфли. Иван Степанович к тому времени уже сам не работал, Сергей отслужил в Красной Армии и

вернулся домой. Женился, построился. В его доме, поставленном в 1924 году, провели не одно лето наши старшие дети. Аня чуть не родилась в нем. С самого их младенчества, с поздней весны и до конца «бабьего лета», жили мы в этом доме с печкой, без водопровода, пока он совсем не развалился от древности. Дом был огромный, из трех просторных комнат, в каждой комнате два окна.

Сергей был весь в отца, такой же смекалистый. Раньше других он почувал, что ветер переменился, и государство больше не позволит крестьянам богатеть. Был двадцать седьмой год. Дед отписал дом на родню, так чтоб был не один владелец, а несколько. Детей ему Бог не дал, оставлять некому было. Так что собрал

* НЭП – новая экономическая политика.

прадед свой сапожный чемоданчик, и ушли они с молодой Евдокией в Москву. Поселились в коммуналке на Арбате, а в деревне через два года организовался колхоз «Пламя».

Гаврила вступил в него по убеждению, все-рез считая, что коллективное хозяйствование на земле лучше единоличного. А Иван Степанович понимал, что к чему, и не торопился. Пришли к нему, в колхоз скотину забирать. Он заупряился.

– Не дам, – говорит. – Мне самому надо.

На первый раз оставили старика в покое, но на записочку взяли. А как раскрутился маховик арестов в тридцать седьмом, тут-то ему все и припомнили. А заодно и то, что любил в церковь ходить. В Рождестве храм огромный, построенный в первой половине девятнадцатого века владельцами усадьбы, графами Кутайсовыми, в память о сыне Александре, погибшем на Бородинском поле у батареи Раевского.

Сперва прадеда объявили «подкулачником» – как же, кустарь-единоличник, вон какой дом со своих сапог нажил и в колхоз не идет. Стало быть, подкулачник. А тут еще на престольный праздник крестный ход организовали. Хотя храмы повсюду уже позакрывали. Что за поповская агитация? Так и пришили прадеду эту самую агитацию, «контрреволюционную». Нашлась деревенская активистка, молоденькая комсомолка, написала, куда следует, чтоб разобрались. Ну и разобрались. Забрали Ивана и увезли в город по уже раскисшей от октябрьских дождей дороге. А в декабре тридцать седьмого забрали и отца Сергия Беляева, последнего настоятеля храма Рождества Христова, и сослали неизвестно куда. Храм закрыли, и с тех пор служб в нем не было до самого конца XX века. Только на Рождество 1998 года снова затеплились здесь свечи.

На прадеда завели целое «дело» и потащили шестидесятилетнего старика по мытарствам. В нашей семье долгое время считалось, что его тоже отправили куда-то в ссылку, и там он умер. Но два года назад вдруг выяснилось, что Иван Степанович был расстрелян. Сделали запрос и получили ответ:

«Ваши родственники, уроженцы села Рождествено, расстреляны на Бутовском полигоне: Василий Сергеевич Сизов – 9 сентября 1937 года, Иван Степанович Шаров – 31 октября 1937 года. Оба реабилитированы. Их следственные дела находятся в Государственном архиве РФ (ГАРФ). Вы имеете право с ними ознакомиться».

Вот и все. Все, что осталось от человека, кроме души бессмертной. Ну, еще фотография двадцатых годов, где импозантный молодой прадед снят в модном пиджаке и галстуке. И еще карточка из «расстрельного дела»: «Шаров Иван Степанович. Год рождения: 1876. Национальность: русский. Уроженец деревни Рождествено Истринского района Московской области. Образование: низшее. Беспартийный. Кустарь-надомник. Арестован 10 октября 1937 года. Осужден тройкой при УНКВД СССР по Московской области. По обвинению в контрреволюционной агитации. Приговорен к расстрелу 25 октября 1937 года. Приговор приведен в исполнение 31 октября 1937 года. Место захоронения: Бутово».

А девушка, что донос на прадеда написала, после войны долго болела. И умирала тяжело. От рака.

Елена Викторовна Семерикова

История одной швейной машинки

Давным-давно, больше 100 лет назад, жил был портной со своей женой. Семья была очень бедной, и самой большой ценностью у них была швейная машинка фирмы «Зингер», на которой портной и шил.

В день Святой преподобномученицы Параскевы родилась у них дочь, и супруги назвали ее Прасковьей, что в переводе с древнегреческого означает – «ожидание», «приготовление» или «пятница», то есть «ожидание дня субботнего после распятия Христа».

Когда девочке исполнилось 2 года, родители умерли, и Пашеньку приютили чужие люди. К ним она и пришла жить со швейной машинкой. Чужие люди жалели сироту, но

Ксения Александровна со своей бабушкой Пашей

своих деток – больше. И девочка, не покладая рук, трудилась по дому, в огороде, ухаживала за скотиной да нянчила малышей. Когда ей исполнилось 11 лет, отправили Пашу пахать в поле. Маленькая, худенькая и тихая, она еле справлялась с плугом и лошадей, но делать нечего – сирота. Так и жила девочка, не ропща, не унывая, учась всему старательно по мере сил. Отходила 2 класса в школу (больше ей не позволили), научилась красиво писать, считать; научилась шить на своей машинке, да Богу молиться.

Храм она любила с детства. Когда злые люди говорили: «Что ты все ходишь в церковь, разве не знаешь, что Бога нет?», она отвечала: «Я – темная, всего 2 класса прошла», и продолжала ходить и молиться.

Выросла Прасковья, полюбила молодого человека. Только «не судьба» ей была с милым обвенчаться, приемные родители не благословили. А благословили выйти замуж за кузнеца из соседней деревни, Григория, человека трудолюбивого, зажиточного, единственного сына у матери.

Послушалась Прасковья, вышла за Григория, а в приданое ей была швейная машинка, память о родителях. Родился у них сынок, потом другой; и началась война. Пришел в деревню карательный отряд. Паша после рассказывала: «Хорошие нам попались немцы. В других деревнях людей жгли, а у нас только дома. Была зима, успели с детьми выбежать и выбросить в окно венчальные иконы да швейную машинку. Изба горит, а у трехлетнего сыночка валеночек в доме остался. Увидел это немец, кинулся в огонь, принес валеночек и говорит: «На, матка, на!», а у самого – слезы. Оставили фашисты на всю деревню одну баню. В ней все люди и жили до весны, а там снова начали строить. Хорошие нам попались немцы».

Во время войны младший годовалый сынок умер от голода, а после войны родилось еще трое. Все мальчики, кому же швейную машинку оставить?

Когда родилась внучка, Прасковья, не задумываясь, отдала эту машинку ей, то есть мне (Паша была моей бабушкой). На этой машинке я и училась шить.

Не так давно мы узнали, что бабушку не по ее воле выдали замуж, а ведь они с дедушкой так ласково и нежно относились друг к другу; что родилась она с одной почкой, о чем сама узнала только перед смертью; что все родственники, приезжавшие к ней на пироги каждое воскресенье и праздники, были совсем чужие люди.

Перед смертью она посоветовалась, причастилась и на третий день отошла ко Господу. Я не знала, что она умерла, меня берегли, ведь мы с мужем ждали третью дочку. Но в ночь своей кончины она явилась ко мне во сне попрощаться и сказала: «Молись!»

Сейчас у меня четыре дочки. Венчальная икона бабушки, которой она благословила нас с мужем на брак, стоит в красном углу. Но вот задача – кому же из девочек оставить швейную машинку?

Ксения Александровна Лопарева

Жизнь моей книги

Экслибрис на книге из библиотеки семьи Казанцевых

Однажды в книжном шкафу я нашел книгу М. Ю. Лермонтова «Избранные произведения». Книга была старая, пожелтевшая. Издана она была в 1941 году, всего за несколько месяцев до начала войны.

Я заинтересовался, откуда у нас взялась эта книга. Папа сказал мне, что книга принадлежала его отцу.

Когда я открыл ее, увидел печать, на которой изображена охотничья собака с добычей в

зубах. Этот экслибрис* был копией украшения на дедушкином ружье. Поэтому он выбрал такой рисунок для своей печати. На ней помещены фамилия и инициалы дедушки – Казанцев В. В.

Мой дедушка охотился в лесах Южного и Северного Урала, Башкирии, Северного Казахстана на дичь, кабанов, лосей и даже ходил на медведя и на уток.

Дедушка спас эту книгу от уничтожения.

Павел Казанцев, 5 класс

Старинные часы

Как-то раз мой маленький сын Михаил, увидев у своей бабушки старинные часы, попросил: «Отдай мне их!» – «Нет. Это не игрушка, это память об отце», – твердо ответила внуку бабушка. Но Миша крепко запомнил, как бережно держала бабушка эти часы в руках, как заботливо положила их в коробку и убрала обратно на полочку в сервант. Запомнил – и в следующий раз, вновь оказавшись у бабушки в гостях, опять повторил свою просьбу. И снова получил отказ. И только в третий раз, почувствовав, что внук уже готов принять и беречь, бабушка отдала ему часы. Тот, сияя от счастья, серьезно ответил: «Я понимаю, что это не игрушка. Буду хранить их». Так Миша стал хранителем прадедушкиных часов.

Мой родной дед, Алексей Романович Китов, родился в 1897 г. под Санкт-Петербургом, в семье учителя. По скудным семейным рассказам, когда ему было 7 дней, умерла его мама, а когда исполнилось 7 лет, убили отца. Мальчик остался круглым сиротой. Воспитывался Алексей Романович, вероятно, в семье своего дяди по отцу, Александра Романова, и на всю жизнь сохранил дружбу с его сыном, своим двоюродным братом, Иваном Александровичем Рома-

новым. Вероятно, именно по его приглашению в 1930-е годы он приехал в Москву и поступил на службу в Кремль, где работал уже тогда шеф-поваром Иван Александрович. Алексей Романович стал служить в кремлевской охране.

Вскоре он женился на Агафье Семеновне Черняевой, уроженке села Истье Рязанской области, из многодетной крестьянской семьи, раскулаченной большевиками. У них родились трое детей: Юрий, Валерий и Светлана (моя мама). Жили они в Георгиевском переулке, в большом каменном доме (теперь на его месте стоит Государственная Дума). Мама вспоминает, как отец гулял с ними в выходные в Александровском саду, у кремлевских стен, катал с горки у грота... Тогда же, в недолгое мирное время, видимо, была сделана фотография, которая сейчас перед вашими глазами. А всего через несколько лет дети Юра, Валера и Свет-

Алексей Романович Китов с сыном Валерием. 1930-е годы

ланка будут собирать на аллеях этого сада опавшие цветки липы и... есть их. Вместо хлеба, которого тогда уже было не достать: началась Великая Отечественная война.

...Алексее Романовичу шел 45-й год, когда это случилось. Он был непризывного возраста и имел троих маленьких детей. Но, считая своим долгом защищать страну от врагов, добровольно вступил в народное ополчение. Письменная связь с ним прекратилась с 29 августа 1941 г. Военский адрес по последнему письму – ППС № 33, медсанбат... Больше семья его уже никогда не видела.

...Моей маме сейчас 75 лет, и она до сих пор страдает, что не знает не только места, где похоронен ее отец, но даже дня его рождения... Все попытки найти документы в архивах, найти место гибели Алексея Романовича были безуспешны. В память об отце мама бережет несколько фотографий и те самые часы, что подарила недавно внуку.

Часы эти Алексей Романович получил в подарок, когда служил в кремлевской охране. Их

* Экслибрис (от латинского *ex libris* – «из книг») – личный знак собственника книги.

он оставил семье при прощании, когда уходил на фронт. Светланке (моей маме) тогда был годик и 8 месяцев. Он поставил ее на стол и в последний раз поцеловал. Больше мама моя отца не видела никогда. Разве что только в снах... В снах о том, как бежит навстречу вернувшемуся отцу и радостно кричит: «Папа!» В снах о том, как он вдруг приходит к ней, уже взрослой дочери, и она вопрошает его со слезами: «Где ты был, папа, все это время? Ты о нас забыл?..»

...Когда в Москве давали праздничный салют в честь победы в Великой Отечественной войне, мама моя болела, лежала в постели и ждала прихода врача. Вдруг за окном все небо осветилось вспышками, загрохотали взрывы. Светлана от страха заби-лась под одеяло и заплакала, подумав, что это город вновь обстреливают немцы... Вошла радостная врач, вынула ее из-под одеяла, взяла на руки и долго успокаивала: «Это салют! Это праздник, дочка!» ...Но радость победы никак не могла растворить в себе горечь о не вернувшемся с войны отце... Эта горечь и по сей день выступает на глазах ее слезами...

Тяжело получить весть о гибели любимого человека. Но еще тяжелее – узнать о том, что он «пропал без вести» и – ждать... ждать... ждать. Вопреки всему. Вопреки здравому смыслу. Ждать возвращения.

Агафья Семеновна верно ждала Алексея Романовича. Она еще долгие годы после войны, когда зачитывали списки вернувшихся, бросала все дела, затаив дыхание, припадала к радио – и слушала длинный список имен, ища в нем родное имя... Моя бабушка так и не вышла замуж во второй раз, оставшись верной своему «пропавшему без вести» мужу...

Каждый из нас, осознает он это или нет, крепко врос в большую семью своего рода и всего человечества в целом и способен ее менять, изменяясь сам. Недаром высшая радость Божьих людей – с небес помогать людям, родным душою. Каждое наше чувство и движение получает отклик в ком-нибудь из предков. Вот почему наша жизнь, наша молитва способны производить изменения не только в нас, живых, но и в них – дорогих сердцу людях. Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, сродников наших по плоти. Раскулачивавших и раскулаченных, ссылавших и сосланных, убивавших и убитых, проклявших и проклятых... Всех забытых, проклятых и исключенных из родов наших, Господи, помяни. Помогни каждому занять свое место в роду и примириться со всем и всеми.

...На маленькой мальчишеской ладони моего сына лежат тяжелые, холодные часы прадеда. Стрелки нежно-воздушные, резные, цифры изящной формы, белый циферблат украшен розовыми и голубыми цветочками. Внизу у них откидная крышка, на массивной цепочке – ключик для заводного механизма. Если вставить ключик и повернуть, то можно будет услышать голос часов. И еще есть у часов этих один секрет. После завода они могут идти, говорить с нами. Но делают они это всегда по-разному: когда сразу остановятся, а когда тихонечко стучат несколько часов кряду...

Часы Алексея Романовича Китова

Когда я вышла замуж и муж мой в первый раз взял их в руки и завел, они шли так долго, что мы жили с ощущением чуда: будто из глубины времени благословил нашу молодую семью сам дедушка мой Алексей. Будто он видит нас и о нас помнит.

...Раньше я не могла без слез думать об этом человеке. Слезы моей матери, его дочери, передались и мне. Глубокая щемлящая скорбь охватывала и сжимала сердце при каждом воспоминании. Я почти физически чувствовала, как это страшно и больно – быть забытым, быть исключенным из жизни.

Горюю я о нем и теперь... Но как-то иначе. Я теперь всем сердцем верю: не может человек быть забытым, быть потерянным, быть пропавшим! Не может исчезнуть без следа. Даже если забывают о человеке его родные, живущие на земле, то всегда помнит о нем Милосердный Бог...

И еще я поняла, как дорога нашим предкам наша память о них, как нужна она им.

Татьяна Анатольевна Сарыева

Фото из семейных архивов авторов

Когда-то давно, в самых первых номерах журнала мы напечатали один из рассказов замечательного современного писателя Дмитрия Шеварова. С тех пор прошло много лет, Дмитрий Геннадьевич стал другом нашей школы и постоянным автором журнала. Конечно, мы не могли не попросить его написать для нас на «семейную» тему номера. Тем более, что многие годы он вел в газете «Первое сентября» специальную рубрику под названием «Домашний архив», где собирал истории семей, знаменитых и неизвестных. Многие из них легли потом в основу его книг. Как, например, история, которую мы публикуем в этом номере, – про отца Павла Флоренского, рассказанная в книге «Добрые лица». Точнее, это даже не история о нем самом, а история о любви, царившей в его семье, о том, что и на расстоянии в тысячу километров можно воспитать прекрасных детей и построить настоящий Дом-пристань в бурном житейском море.

Дмитрий Шеваров

Наука расставанья. Флоренские

(печатается в сокращении)

*Когда говорят «много ли детей?»,
или «сколько детей?»,
я не знаю, что ответить...
Каждый из детей незаменим
и единствен, и потому их не много
и не мало, им нет счету.*

*Отец Павел Флоренский.
Из письма жене
10-11 декабря 1936 года*

Помню, весной 1989 года я ехал в командировку к пограничникам в поезде Мары – Кушка. В пустом плацкартном вагоне с выбитыми окнами гулял сквозняк и летали перья от дражных подушек. На станциях в окна заглядывали любопытные верблюды.

Я листал забытый кем-то журнал «Литературная учеба». Вагон дребезжал остатками стекла, его кидало из стороны в сторону, текст прыгал перед глазами. В журнале оказалась публикация писем Флоренского из Соловецкого лагеря. С первых строк отец Павел стал мне страшно близок.

Близок голосом, который я слышал за шелестом страниц. Близок своей судьбой – судьбой человека, который, находясь в эпицентре социальных потрясений, под дамокловым мечом смерти, жил любовью, наукой, Евангелием, детьми. Его мысли о спасительности дома-острова казались мне моими мыслями. Я тоже остро

чувствовал разлуку, очень тревожился, как там, дома (оставил там одних беременную жену, двухлетнюю дочку и ослепшего дедушку).

Читая Флоренского, я вдруг стал догадываться, что же такое семья в смысле не социальном, а экзистенциальном. Семья – это встреча, пронизанная разлуками.

Расставаний в жизни каждой семьи не счесть, ведь вот утром уходит отец на работу, обычное дело для взрослых – ну что там подождать до вечера, а для маленькой дочки – это горе. Она плачет, хватает отца за ноги, причитает, как будто провожает папу на фронт.

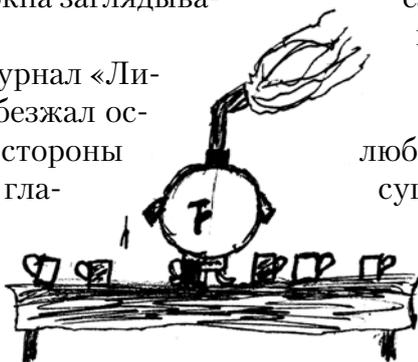
Взрослые принимают такое поведение за каприз, недомыслие, свойственное малышам. А на самом деле, это «взрослые уже многого не понимают» (так писал Флоренский в своих воспоминаниях о детстве).

Семья, если это действительно союз любящих сердец, а не принудительное существование на одной территории –

она годами и десятилетиями испытывается на разрыв. Родители и дети, старики и внуки – им каждый день и каждую ночь приходится усилием взаимного притяже-

ния сжимать время и пространство. Это огромная нравственная и психологическая нагрузка, большое испытание.

Когда же речь идет о такой разлуке, которой подверглись в 1920-30-е годы неисчислимое множество семей – то это уже не просто испытание, а мученичество и подвиг.

* * *

Русский философ и священник Павел Александрович Флоренский был арестован 25 февраля 1933 года. Находясь годами в заключении, за тысячи километров от дома, фактически обреченный в земной жизни на вечную разлуку с семьей, Флоренский вопреки обстоятельствам продолжал жить домом и жить в семье...

Павел Флоренский, оказавшись в заключении, более всего опасался отчуждения поколений внутри семьи. Он боялся, что дети, которых он оставил подростками, сочтут свой дом потерявшим всякую привлекательность, поменяют его на молодежные компании, начнут ссориться между собой.

А все это могло случиться, ведь во время обысков дети пережили страшный стресс. На

их глазах квартиру переворачивали вверх дном. Забрали всю библиотеку вплоть до детских книг. Жена Флоренского Анна Михайловна с горечью писала мужу: «Книги у нас отняли твои и наши любимые... Мика, сегодня целый день, бедняга, проплакал о книгах...»

Павел Александрович пишет старшей дочке 16 сентября 1935 года: «Дорогая Оля <...> Я чувствую, ты не научилась ценить дома и окружающих, а этого никогда уже впоследствии не будет. Мамочка гораздо ценнее и дороже всяких вещей и людей, которые кажутся ценными, но неизмеримо менее содержательны, чем она. <...> Крепко целую тебя, дорогая. Не унывай и не забывай»*.

Он возвращается и возвращается к этим мыслям, пытаясь найти все новые аргументы: «Дорогой Олень <...> говорю о мамочке, о братьях и о Тике, которых ты не замечаешь из-за своих товарищей, между тем как товарищи – дело временное, а близкие – навсегда. Надо <...> не прельщаться нарядным взамен существенного. А чужие люди неизбежно наряднее своих, ибо они – в гостях, в гости же всегда наряжаются...» (29 февраля – 1 марта 1936).

«Дорогой Олень <...> Товарищеская среда потому перетягивает к себе все внимание, что

товарищеские отношения в сущности безответственны, каждый отвечает сам за себя и каждый занят своими интересами. Поэтому в ней легко. Но эта легкость есть легкость пустоты, а подлинное требует усилия, работы и несет ответственность.<...> Того, что может дать родной дом, не даст потом никто и ничто, но надо заработать это, надо самой быть внимательной к дому, а не жить в нем как в гостинице» (июнь 1936).

* * *

А начинался этот диалог с детьми задолго до рокового ареста. Флоренский думал о разлуке еще в ту пору, когда старшие дети (Василий и Кирилл) были совсем малы, а младших (Ольги, Михаила и Марии-Тинатин) еще не было

на свете. После Февральской революции, хорошо понимая, что это лишь начало катастрофы, 35-летний отец Павел Флоренский задумывается о духовном завещании детям. Первоначальный его текст он составляет 11 апреля 1917 года, а потом семь (!) раз возвращается к нему: в мае и июле 1917-го, июне 1919-го, июне 1920-го, марте 1921-го, августе 1922-го, марте 1923-го.

Он, будто предчувствуя, что его дети рано осиротеют, старается как можно яснее и доступнее выразить свои за-

Павел Флоренский – студент

ветные мысли: «...Дома, библиотеки, вещей не продавайте, без самой крайней нужды. <...> Не ищите власти, богатства, влияния. <...> Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить. <...> Будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет; не надо благотворительности. Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого вам Бог пошлет как нуждающихся в помощи.<...> Не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в «кое-как» можно потерять всю жизнь. <...> Почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезд

ды или лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что-то не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится».

* * *

По письмам отца Павла видно, как он все время ищет возможность деликатно подсказать жене Анне Михайловне, что можно придумать, чтобы детям в доме стало уютнее, теплее, интереснее, чтобы их омраченное арестом отца детство оставалось детством: «Дорогая Аннуля, я же понимаю, что тебе трудно, тяжело, беспокойно и грустно. Но все же надо стараться с большим душевным миром воспринимать окружающее, а главное – близких. Я верю в своих детей, и разные шероховатости пройдут в свое время. Это дело возраста. А кроме того, им ведь тоже не легко дается жизнь. <...> Тика, пишешь, болезненно застенчива. Как ясно я понимаю ее состояние <...> Ей непременно надо помогать в уроках, хотя бы часть делать за нее. Стоит ей заработать 2-3 поощрения, как она развернется и дальше дело пойдет само собою гладко. <...> Постарайся вовлечь детей в игру – припоминать немецкие слова и фразы, мотивы, сравнивать и т. д., например, кто вспомнит больше слов на такую-то букву или с таким-то окончанием и т. д., если будут делать ошибки, это неважно <...> Главное – это развить привычку, главное – постоянное упражнение, и это в любой области. Одним натиском ничего не сделаешь... (25 сентября 1935).

«...Главное, постарайся, чтобы ее (речь идет о младшей дочери Тике – Д. Ш.), детство было хоть сколько-нибудь радостным и ясным. Понимаю, что это сделать очень трудно тебе, но все-таки постарайся, пусть у нее останется, чем вспомнить детские годы. Рассказывай ей, что придется. Это даст ей и развитие и интерес. Радость жизни дают не большие дела, т. е. кажущиеся большими большим, а удачно найден-

ные пустяки – бумажка часто радует более драгоценностей, и неудобство, но поэтичное, приятнее больших удобств...» (12 апреля 1935).

И он находит такие чудесные пустяки, к примеру, на кухне: «...Ты пишешь, что Оле хочется вкусного. Но ведь вкусное делается таким главным образом от приправы: необходимо давать пище запах, хорошо прожаривать, придавать остроту или сладость, и тогда самые простые припасы обращаются во вкусные кушанья. <...> Если бы я был с вами, я варил бы вам мармелад – расход сахара в общем остается тем же, если не меньше, а впечатление совсем другое. Хочу сказать: надо уметь жить и пользо-

Отец Павел Флоренский

ваться жизнью, опираясь на то, что есть в данный момент, а не обижаясь на то, чего нет. Ведь времени, потерянного на недовольство никто и ничто не вернет...»

* * *

Письма отца Павла детям не только окутывают их нежностью, но и содержат в себе заочные уроки – биологии, математики, литературы, музыки, русского языка, минералогии... Флоренский отвечает на вопросы детей, не подстраиваясь под их возраст, а переписывается с ними как с коллегами – со всей серьезностью.

...Его эпистолярные уроки младшим детям похожи на увлекательные рассказы о живности Д. Даррелла. Они часто сопровождались рисунками. Можно подумать, что автор этих писем в командировке на биостанции или в заповеднике.

«Дорогая Тика <...> Морские свинки урчат, вроде голубей, но более высокими голосами, а маленькие издают звуки как воробушки; поэтому здесь их и называют воробушками. Вот, все письмо вышло звериное...» (22 февраля 1935).

«Дорогой Мик, сообщаю тебе последние новости о чернобурых лисицах...» (13-14 марта 1935).

«Дорогая Тика, вот распростились с нами и последние чайки, а вместо них прилетели вороны. Говорят, чайчата этого года прилетят

уже только через 3 года, очевидно будут воспитываться где-то в теплых странах. Даже чайкам, как видишь, приходится учиться своим чайкиным наукам...» (16 сентября 1935).

...Письма старшим детям своей научной со-держательностью напоминают переписку профессора с любимыми аспирантами.

«Дорогой Васюшка, <...> недавно, в по-стели, придумал новый аппарат – термо-сифонный экстракционный аппарат... Не помню, писал ли я тебе о книжке Лобко по стандартизации физических единиц...» (17 февраля 1935).

«Дорогой Васюшка <...> По поводу пестрой пермской свиты у меня есть одна мысль, разо-вью ее в след<ующий> раз, а ты подумай. Не есть ли эта свита генетический аналог граниту и гнейсу, но весьма молодой. Было бы очень интересно проследить всю последователь-ность...» (15 июля 1935).

«Дорогой Кирилл <...> непременно научись владеть номографическими методами, это очень облегчает расчеты...» (16 сентября 1935).

Кирилл стал одним из основателей сравни-тельной планетологии (отец Павел, кстати, мечтал заниматься астрофизикой). Его именем назван кратер на обратной стороне Луны. Оль-га стала ботаником, Тина – химиком, Михаил – специалистом в области бурения скважин.

* * *

Это была последняя из созданных Павлом Флоренским наук – наука расставанья.

И эта наука – самая понятная для всех нас. Она о том, как, находясь в разлуке с детьми (а это, увы, случается и в наше время), можно чувствовать их рост, влиять на их устремле-ния, питать их ум и ду-шу, имея в распоряже-нии лишь клочок бума-ги, карандаш и любящее сердце.

Очевидно, что эта наука, вырос-шая из несчастных обстоятельств, только в России и могла возникнуть. Только в стране, где в XX веке редкая семья не испытывала хро-нической насильственной разлуки, могла ро-диться эта столь же экстремальная, сколь и обыденная педагогика в разлуке.

Письма Флоренского семье – как спутники, запущенные им на недостижимую для конвоя высоту. Они доносят его любовь поверх колю-чей проволоки, транслируют его мысли, и каждой строчкой побеждают смерть. Мне по-чему-то кажется, что разрабатывая свою тео-рию о ноосфере, Владимир Иванович Вер-надский вспоминал о своем гениальном ученике Павле Флоренском, о его из-любленной мысли о том, что «все прохо-дит, но все остается. <...> Ничего не ухо-дит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды...»

* * *

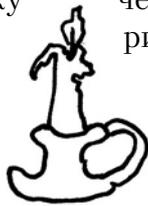
С момента ареста в 1933 году за отца Павла ходатайствуют ученые и среди них – великий В. И. Вернадский. С просьбой освободить Флоренского и предоставить ему возможность уехать с семьей за границу, где он мог бы про-должить научную работу, к советскому прави-тельству обращается президент Чехии Т. Г. Масарик.

Из Москвы в лагерь приходит распоряже-ние сообщить «не снявшему сана» Флоренско-му о том, какой шанс ему предоставляется. Па-вел Александрович отказывается от освобождения и остается в лагере, чтобы разделить судьбу товарищей по несчастью. История ГУЛАГа не знает других случаев отказа заклю-ченного от освобождения.

Последнее письмо домой было написано отцом Павлом 19 июня 1937 года. Только в 1989 году семья узнала, что Павел Александрович Флоренский был расстрелян 8 декабря 1937 года.

Из завещания отца Павла детям: «Самое главное, о чем я вообще про-шу вас, – это чтобы вы помнили Гос-пода и ходили пред Ним. Этим я го-ворю все, что имею сказать. Осталь-ное – либо подробности, либо второ-степенное».

* Письма цитируются по изданию: Священ-ник Павел Флоренский. Все думы – о вас. Пись-ма семье из лагерей и тюрем 1933-1937 годы. – СПб., «Сатисъ», 2004.

Как стать настоящей мамой?

Письмо подрастающей дочери

Не знаю, достаточно ли взрослая моя дочь, чтобы к ней можно было обращаться с такими серьезными вопросами. Ну, не беда. Когда-нибудь она повзрослеет. Это письмо «навырост».

Сначала определимся со словом «настоящая». Вот, у меня жива мама, я ее очень люблю, и другой мне не надо, следовательно, моя мама самая лучшая. Думаю, что и тебе не надо другой мамы, для тебя я тоже самая лучшая. Ведь правда? Можешь не сомневаться, что, когда придет время и ты станешь матерью, ты тоже будешь идеальной мамой для своего ребенка.

Непросто стать мамой. Надо вырасти, познакомиться с будущим мужем, создать семью, растить и хранить эту семью. В какой-то момент у тебя появится ребенок, и ты начнешь заботиться о нем и ждать встречи с ним. Собственно, о моменте встречи, точнее, о нескольких минутах, предшествующих этой встрече, я и хочу сегодня поговорить, ведь всего не охватишь в одном письме.

Да, это не просто – стать мамой. Женщина, когда рождает ребенка, терпит такую скорбь, которая близка к пределу человеческих возможностей. И она должна проделать огромный труд, тяжелейшую работу, которую никто не сможет за нее сделать. Так что поневоле вспоминаются страдания Христа на Кресте, когда даже Он воскликнул: «Боже, Мой! Боже Мой, для чего Ты меня оставил?» Но ты ведь знаешь, что Господь не оставляет никого. Как раз в тот момент, когда сил человеческих больше нет, когда кажется, что все и вся тебя оставили, Он и приходит на помощь, и проходит скорбь, и появляется на свет твой ребенок, и ты становишься мамой.

Что же надо, чтобы не отчаяться, не испугаться, не смутиться, а быть готовой снова и снова стать мамой, дать вместе с Господом жизнь еще одному ребенку? А надо (это совсем просто и одновременно сложно) верить. Надо молиться и верить Господу, Пресвятой Богородице, Его

святым. Верить, когда не дается английский, просить Его помощи и стараться самой, и радоваться, что все получается. Верить, когда тяжело болеет маленький братик, верить, молиться и благодарить Его за исцеление. Верить, когда кажется, что мир рухнет, потому что папа потерял работу. И ты увидишь, что помощь приходит обязательно. Эти моменты стоит хранить в своем сердце, чтобы в час труднейшего испытания уже точно знать: Господь поможет.

Ты наверняка услышишь множество возражений от разных людей, что все это и необязательно, что можно спастись и не рожая детей, или родить одного и успокоиться... Что сказать на это? Можно, конечно. Можно пойти по пути мученицы Татьяны, претерпеть за Христа страшные издевательства палачей, стать мученицей и войти в царствие Божие.

Можно уподобиться мученице Наталье, которая не страдала сама под пытками, но держала за руку своего любимого молодого мужа, когда истязатели отрубали ему руки и ноги. Можно еще, как равноапостольной Нине, воцерковить и просветить целый народ... А можно, по словам апостола Павла, «спастись чадородием», то есть стать мамой. И результат будет один и тот же: Царство Божие. А все остальное тоже будет: придется и самой боль претерпеть, и держать на руках страдающее дорогое тебе существо (дети без болезней не вырастают), и воцерковить ну если не народ, то семью, человек, возможно, 40-50, если считать детей и внуков.

Но если вдруг (а может и такое случиться) по каким-то причинам ты не сможешь вовсе стать мамой, то все равно всегда знай, дочка, что Господь не оставит тебя. Держись за Него всей своей верой, за Него и за мать-Церковь, даже когда не будет с тобой твоей родной мамы, и иди смело в эту жизнь.

Наталья Ялтанская, мама девятерых детей, трое из которых учатся в школе «Рождество»

«Какой будет моя семья?»

Сочинения-фантазии старшеклассников школы «Рождество»

Московская зима, мы с мужем и детьми едем в аэропорт. По давней традиции Рождество Христово мы встречаем в небольшом уютном домике в Европе, в горах. По прилете тут же начинаются предрождественские хлопоты. Быстро-быстро снимаем чехлы с мебели, раскладываем привезенные вещи, оставляем детей гулять с няней, а сами бежим по магазинам за подарками.

Ёлка у нас будет из лесу – и после покупки подарков муж отправится за ней (боюсь, правда, что где-то там, где мы будем, срубить елку будет сложно, может быть, и запрещено, но мы же мечтаем...). А в это время я с детьми начну украшать дом изнутри. В какой-то момент дети срываются с места и бегут к крыльцу на запах свежей хвои. Папа вернулся! Папа устанавливает елку и возвращается во двор украшать дом снаружи гирляндами. Но надо заканчивать побыстрее и собираться в церковь, тем более она одна – в соседнем городке.

С праздничной службы мы торопимся домой. Почему торопимся? Не потому, что проголодались! Наши соседи, отмечавшие Рождество 2 недели назад и первые годы смотревшие на нас с недоумением, привыкли и радостно ждут в гости. Так не будем заставлять себя ждать!

Нам еще обязательно надо успеть хоть раз этой ночью скатиться с горки или прыгнуть с трамплина. Вечер, а точнее ночь, мне хочется завершить дома, укутавшись в теплый плед рядом с мужем, выпив горячего какао и засыпая под бормотание радио или телевизора.

Р. С. А деток у нас будет двое – мальчик и девочка. А может, и пятеро.

Н. А.

Создать семью не так уж и сложно; сложнее ее взрастить духовно – чтобы она стала колыбелью, школой и храмом Любви, малой Церковью. Вот, например, однажды... На дворе стояла зима... 6 января – рождественский сочельник. Вся природа будто замерла в предвкушении Рождества.

С утра все очень воодушевлены праздником. Дети построили во дворе рождественский вертеп, а внутри вертепа, в еловых ветках, поставили икону Рождества Христова. В глубине мерцает лампада. Есть в этом какая-то святая чарующая тайна. Потом все прибежали домой и вместе с папой пошли в лес выбирать елку.

Я в это время занималась приготовлением рождественского стола, прибиралась, ждала нашу хвойную красавицу. Вдруг я услышала смех, шум и веселые крики. Дом наполнился морозным дыханием леса. Мы установили елку в центре зала и дружно стали ее наряжать. Здесь были и имбирные пряники, и самодельные хлопучки, и старинный деревянный Щелкунчик, а макушку увенчала серебряная Вифлеемская звезда.

Моя мама – наша бабушка – испекла праздничный пирог с земляникой, который напомнил нам о лете.

Муж предложил пойти всем на озеро, покататься на коньках. Лед был чист и прозрачен. Снежинки, переливаясь на солнце, покрывали ледяное зеркало. Веселый румянец быстро зарозовел на детских щеках. Наконец все, довольные и немного уставшие, отправились домой, нужно было поберечь силы для Рождественской Литургии. Придя домой, я уложила младших детей спать, а старшие решили почитать отрывок из романа И. Шмелева «Лето Господне» о том, как праздновали Рождество в дореволюционной России.

Но вот послышался звон церковного колокола. Ночь... Мороз крепчает. А воздух... – синий, серебрится пылью, дымный, звездный. Певучий звон все не смолкает, он славит родившегося Христа.

Анастасия Баланина

Вы, конечно, заметили, что в новом году в «Лексиконе» появилось много новых авторов. Сегодня мы с радостью представляем вам еще одного гостя на наших страницах – Любовь Боровикову. Любовь Михайловна – филолог, выпускница МГУ, автор книг «Запах хвои» (1994), «Племянница Соня» (2009), «Белая корзинка» (2011), «Сто стихотворений» (2013), «День рождения» (2014). В нынешнем «Лексиконе» мы решили опубликовать один из ее ранних рассказов, созвучный теме номера. Надеемся, что первая встреча с ее творчеством будет для нас не последней.

Любовь Боровикова

Старые игрушки

(печатается в сокращении)

Один писатель всерьез утверждал, что любимые игрушки перенимают частицу души своего владельца и встречаются с ним в раю.

У моей шестнадцатилетней племянницы есть зверь, с которым она неразлучна лет, наверное, с пяти. Это небольшой мишка с подвылезшей шерстью цвета пакли и несоразмерно длинными и толстыми лапами. Нет в нем ничего умильного и даже примечательного, разве что какая-то старообразность, странная в детской игрушке.

У него маленькая в сравнении с туловищем голова, вытянутый вперед кувшинчиком нос, невнятные глазки. Что в нем нашла моя племянница, дитя своего времени, поклонница «Ночных снайперов» и обладательница собственного ноутбука, понять сложно. Однако он поменял вместе с нею три школы, посещал и посещает дни рождения друзей и родственников, ездит на важные хирургические мероприятия в Лиссабон и Архангельск, Ярославль и Санкт-Петербург, куда берут с собою его хозяйку родители – известные хирурги.

Когда Ане случается ночевать у нас, ее старообразный дружок последовательно перемещается за нею – из кухни в ванную, из ванной в комнатку, где она спит.

Тайна их взаимной привязанности открылась случайно. Это произошло в трудные для меня дни. Я лежала после операции, и Аня принесла мне, чтобы утешить, своего Мишуточкина. Принесла и положила на подушку.

Утром, повернув голову, я увидела совсем рядом, в нескольких сантиметрах от лица, существо с совершенно человеческим взглядом – кротко-тревожным, вопрошающим. Существо глядело в окно, а я на него, и так понятна, понятнее всего на свете, была мне его тихая, никому не докучающая, словно бы разумная растревоженность.

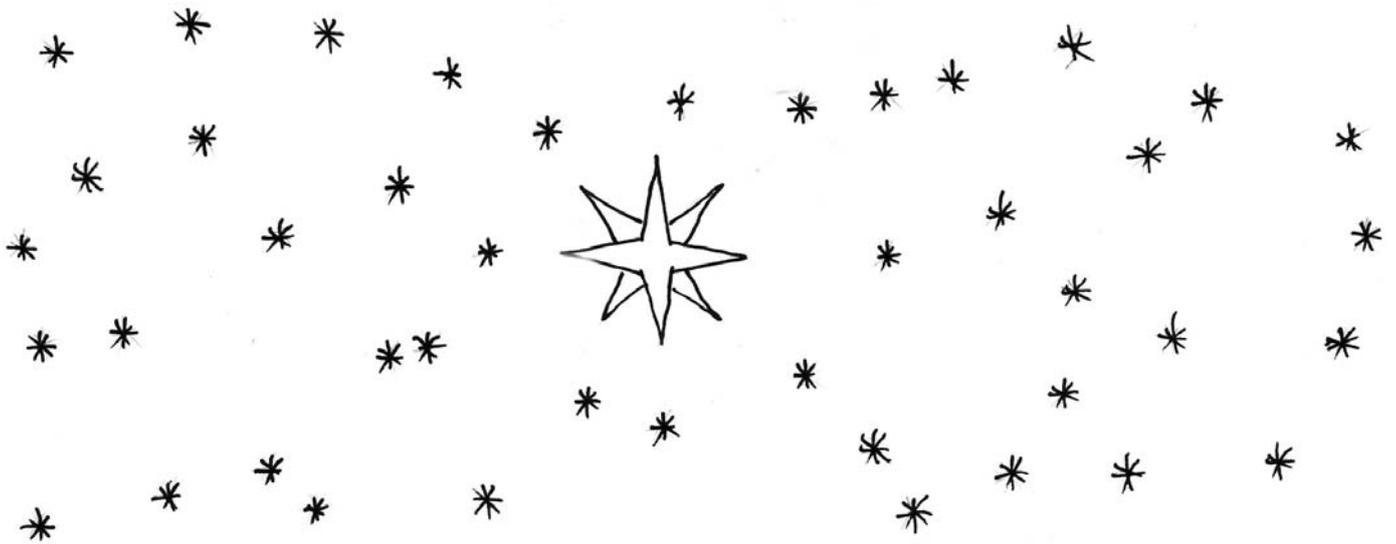
И я поняла, чем связано это существо с Анютиным существованием. Почему оно необходимо взрослеющей девочке, которая будто бы легко освоила атрибуты своего времени и уверенно живет в нем. Ее первый в жизни друг и спутник никогда ни на чем не настаивал, ничего от нее не требовал, только изо дня в день вглядывался в происходящее с нею, вникал в ее дни и труды, ничего не почитая пустяком или мелочью.

Не знаю, догадывалась ли Аня, что это безоценочное, безоговорочно любящее внимание как щитом прикрывало ее от бреда и хлама, с которыми ей приходилось и приходится сталкиваться на каждом шагу, вроде «Будь лидером», или «Живи мобильно», или «Разве я этого не достойна?»

Никак, никоим образом не тянул на лидера ее подслеповатый товарищ цвета пакли, и сроду никуда не торопился, и странно было бы восхищаться его несоразмерно маленькой головой с носом-кувшинчиком. Что же касается достоинства, достоин этот зверь был только одного: Нобелевской премии мира и детства – за верность.

Мне кажется, его кроткая, ни к кому не апеллирующая тревога, которую он, все из той

же деликатности, маскировал своей деревянностью и несурзанностью, были для его хозяйки лучшим из ориентиров, вернейшим из путеводителей.

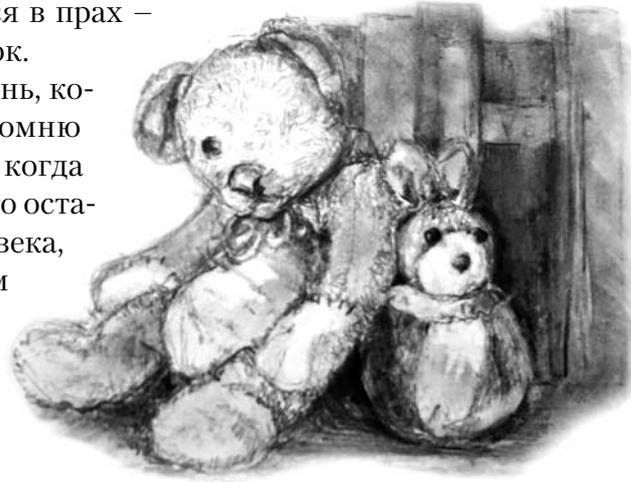
Ведь это и моя история. И у меня был такой же нелепый и драгоценный товарищ медвежьего рода. Много-много лет сама преданность глядела на меня его карими пуговками, пока однажды он не упал со стола и в мгновение ока не рассыпался в прах – в пыльную кучку опилок.

До сих пор помню день, когда это случилось, помню свое онемевшее сердце, когда глядела на то, что от него осталось. И вот спустя полвека, возвращаясь голубым июньским утром с того света, я смотрела на Анюткиного друга и вспоминала моего Чернушку. Долго, власть вспоминала.

Видела перед собой и других, теперь уже не старых, а стариннейших, полузабытых и забытых друзей. Львенок Одноглазый валялся в одном знакомом доме на дне огромной корзины, где, как в богадельне, доживали свой век звериные ветераны-инвалиды. Когда я докопалась до него и взяла в руки (на руки!), он взглянул на меня единственным глазом с таким отчаянием, что я попросила хозяйку дома подарить его мне. Она удивилась, но согласилась.

Теперь Одноглазый живет в моей комнате на пианино, рядом с маминой фарфоровой соба-

кой, через все туловище которой, от задних лап до запрокинутой назад старой мудрой головы (грех называть такую голову мордой), проходит темный шрам от клея «Момент». По другую сторону от Одноглазого сидит или стоит – непонятно, потому что лапы отсутствуют, – Заюша, любимая когда-то игрушка взрослой теперь уже дочери.

Когда кто-нибудь, глядя на эту компанию, улыбается и говорит: «Как трогательно», – я киваю, а про себя думаю: это не трогательно, это нормально. Ненормально бросать и забывать свою жизнь, что-то в ней перекраивать, отбраковывать и отсеивать, делить на стоящие или нестоящие, отработанные времена. Потому что не меняются и уже не изменятся ее истоки: бабушка, ма-

ма, отец, сестра и брат и первые, на всю жизнь, от младенчества первые друзья: мишка, или ослик, или пес, или кот – кому какой спутник выпал.

«В малом ты был верен, над многим тебя поставлю», «Верный в малом и во многом верен». Хорошо, что Аня, не слишком давно покинувшая детство, так спокойно и твердо верна ему в лице своего смиренного Мишуточкина...

Иллюстрации к рассказу рисовала дочь автора, Софья Корепанова

Семейные традиции: привычные и необычные

Традиции – душа дома. Без них дом будет просто пространством между стенами и крышей, без этого прекрасного: «А помнишь?», «а мы будем в этом году опять?..» Нечто живое и неизменное, включающее нас в круг событий и глубоких смыслов, и в то же время – изюминка, особенный штрих, отличающий именно этот дом, эту семью.

Традиции нашей семьи, конечно, обширны и многообразны. Но это только с одной стороны. Так сказать, видимая часть нашего бытия... С другой стороны, этих традиций вроде как бы и нет. И вот почему...

Мы – внуки наших бабушек и дедушек – очень любим и ценим их, но традиции, которые они соблюдали, к сожалению, совсем не привились к нам. Мы выросли, так сказать, на стыке двух поколений. Я, к примеру, помню октябрьские и Первомайские демонстрации, а в настоящее время наша страна живет совсем по-другому. Я был некрещеным человеком до двадцати с лишним лет, а сейчас мой основной род деятельности связан со служением Церкви. Я хорошо помню, как наша родня собиралась одной большой компанией, и мы сажали картошку... а потом у костра до позднего вечера вкушали запеченный картофель, пели песни и радовались. Или как почти каждые выходные совершали «спортивные подвиги» – лыжные прогулки или просто походы в лес. Праздники – это всевозможные дни рождения, катание на лодках, покос и его окончание и много чего еще... Это были настоящие живые традиции, которые перенимались нашими родителями от бабушек и дедушек. И все было бы, наверное, хорошо, если бы не одно «но», которое перечеркивает все вышепоименованные дела. Не хватало именно служения Церкви и Богу. И нам – детям наших родителей – досталось от этого великого служения совсем немного. Конечно же, мы слышали и о Пасхе, и о Святках, и даже ходили с мальчишками колядовать, совершенно не понимая, что совершаем. Наши «колядки» заключались в том, чтобы напроказничать в соседских дворах – разобрать, например, по бревнышкам по-

Домашний вертеп

ленницу. Но, настоящая православная традиция была, к сожалению, прервана, и очень давно, – в силу разных, порой трагических, причин. Была ли она прервана до конца? Нет, конечно, иначе – не ходить бы нам сегодня в Церковь. Не молиться и не прибегать к Таинствам. Но это совсем другая история...

Наша семья, конечно же, не празднует такие светские праздники, как День связиста или 8 Марта. Но мы искренне любим и празднуем всей душой Новый год с Дедом Морозом, елкой и подарками, и День Победы, и, естественно, дни рождения. Мне кажется, не нужно о таких традициях забывать, «рубить с плеча», искусственно избавляясь от этих, может быть, для кого-то странных обычаев.

Я и моя супруга Наталья Николаевна принадлежим к числу церковнослужителей. И у нас просто не хватает – физически! – времени, чтобы придерживаться каких-либо особенных традиций. Можно сказать, что мы плывем по течению реки с названием Жизнь. Все так называемые выходные наша семья проводит в Церкви. Мы не знаем, что такое регулярные походы в кино или театр, хотя и это случается. Мы не подчиняемся «обычному» графику. У нас нет огорода, хотя есть земля; мы не ходим на лыжах и не катаемся на коньках (а впрочем, не без этого...). Иногда мы смотрим кинофильмы по телевизору, бывает, что – всей семьей, хотя в дни поста это исключено... Короче говоря, выводы можно сделать неутешительные. У нас хватает времени только на то, чтобы собраться за ужином всем вместе, где мы не читаем вслух книги, а наперебой рассказываем друг другу о прошедшем дне, как будто мы не виделись целую вечность. Все это не значит, что у нас совсем никаких семейных традиций нет. Конечно же, есть! Но мы стараемся (и, нужно заметить, это не так просто) подчинить традиции своей семьи – великим

традициям Церкви. Это – воскресные богослужения, в особенности, праздничные дни. Поездки каждый Великий пост в Троице-Сергиеву лавру на Покаянный канон Андрея Критского. Летом – Оптина пустынь. Первое января – выезд со Знаменским приходом за лапником в лес, для того чтобы украсить храм к Рождеству Христову. Девятнадцатого января окунаемся в прорубь. Про Пасху скажу просто – всю Светлую и Страстную Седмицу мы находимся в храме на Богослужении. Многие еще есть в традициях нашей семьи. В особенности же – молитва и Причастие Святых Христовых Таин. Это, пожалуй, самые главные традиции. По крайней мере, мы стараемся, чтобы так оно было.

...Хочется верить, что наша молитва и наши зарождающиеся церковные традиции станут связующим мостиком между поколениями наших дедов, отцов и наших детей, который был разрушен в силу Промысла Божия.

А все остальное – так сказать, видимая часть нашего жития, – это все относительно. Хотя...

Алексей Юрьевич Пушкин

Конечно же, самые яркие дни в году – Рождество и Пасха. Длинные торжественные ночные службы, которые наши дети ждут весь год, в Рождество – наряженная елка, подарки, на Пасху – куличи, катанье яиц, трезвон на колокольне. Конечно, в том же ряду, воскресная Литургия, чтение детям вслух перед сном. Так, я знаю, бывает во многих семьях. Но мы стараемся придумать что-то еще, свое, особенное. Например, каждый год на Святках разыгрываем домашний вертеп. Он, конечно, не громадный, двухэтажный, как полагается, а просто-напросто картонный, поставленный на пирамиду из стульев, но зато в нем каждому находится дело по силам, зато живыми детскими голосами разговаривают ангелы, пастухи и волхвы, звенят бубенчики верблюдов и колокольчики овец, восходит Вифлеемская звезда и Смерть срубает голову жестокому Ироду. Сколько раз мы уже видели и слышали все это, а вот не надоедает!.. Без вертепа чего-то будет нам сильно не хватать в нашем домашнем праздновании Рождества.

Есть у нас еще несколько традиций, которые никак не связаны с общим для всех календарем, но очень важны для нашей семьи, поскольку добавляют тепла и света. Например, в день появления каждого нового малыша в нашем доме все остальные дети получают из рук родителей подарки от его имени. Как правило, это книжки, подписанные на форзаце папиным каллиграфическим почерком: «Ане от Мити». И неважно, что Митя, спеленутый, лежит возле мамы и ничего еще сам сказать не может. Зато как светятся радостью и любовью к новому человечку глаза остальных детей! За девять лет у нас набралась уже целая полка таких книжек. И дети, не заглядывая, помнят, кому и от кого этот дар. А когда мы празднуем детские дни рождения, для самых маленьких обязательно устраиваем игру «Земля – Солнце», где мама играет роль Солнца, а малыш-Земля бегает вокруг, отсчитывая круги-годы. Все вместе мы вспоминаем каждый прожитый год малыша, самые интересные и радостные события – что с ним было в годик, в два, в три, в четыре. Обычно до самого поступления в школу эта игра пользуется невероятной популярностью. Когда дети подрастают настолько, что на домашние праздники являются уже шумные компании друзей, тогда мы придума-

Мамины куклы

мываем сюжет праздника – то похищение сокровищ, то битва с драконом, который утащил принцессу, то день рождения с Пеппи Длинныйчулок. Всем весело и запоминается надолго. А еще частенько на день рождения или именины дети получают необычные подарки. Например, приключение-путешествие в какое-нибудь интересное место или

самодельную игрушку, сделанную мамой. Их у нас тоже накопилось довольно много, этих кукол и зверюшек, и у каждого свой характер.

Я не знаю, что из всего этого дети захотят перенести в свои семьи, но твердо верю, что тепло наших домашних праздников и маминых тряпичных игрушек останется в их сердечках и поможет родиться новым, их собственным традициям, на которых они будут строить самостоятельную, взрослую жизнь.

Елена Викторовна

«Мы тоже победили в той войне»

В декабре 2013 года в сельском поселении Павло-Слободское вышел в свет первый сборник рассказов «Дети войны». В книге мы собрали воспоминания особенного поколения людей, у которых война украла детство. В военные и послевоенные годы детям очень быстро пришлось стать взрослыми: их воспитали голод и непосильный труд. Были такие люди и в моей семье: дедушка Александр Васильевич Мамаев и бабушка Валентина Игнатъевна Бусурина. Про себя они могли с уверенностью говорить: «Мы тоже победили в той войне».

«Приказ немецкого офицера»

Воскресный день 22 июня 1941 года многие дети по всей стране играли на улице вместе со своими друзьями. Впереди было больше двух месяцев летних каникул, и казалось, что ничто не омрачит их безоблачное детство. Однако именно в этот день многие впервые услышали слово «война». Среди миллионов детей, чье детство закончилось в июне 1941 года, была и моя бабушка, 9-летняя Валя Бусурина, жившая тогда с родителями в поселке Снегири.

Валентина Игнатъевна Бусурина родилась в 1931 году в деревне Жуково Оленинского района Калининской области. В 1934 году семья переехала в Подмоскowie и обосновалась в итоге в поселке Снегири. Отец Валентины устроился работать на кирпичный завод, получили комнату в ближайшем к станции деревянном одноэтажном бараке на улице Ленина. В 1938 году Валентина пошла в 1 класс в семилетнюю школу в деревне Ленино. Именно эту школу во время оккупации фашисты превратили в свой опорный пункт обороны, а в 1967 году в бывшем школьном здании разместили Ленино-Снегиревский военно-исторический музей.

В июле 1941 года глава семейства Игнат Антонович Бусурин был призван по мобилизации Истринским военкоматом и направлен на фронт. В Снегирях осталась жена Марфа Тихоновна и две дочери – Валентина и двухгодичная Тамара. К счастью, семья осталась цела – Игнат Антонович вернулся с войны с медалью «За оборону Кавказа», а жена и дети выжили в

оккупацию и голодные годы. В военное время Валентине пришлось стать основной кормилицей семьи. Она соглашалась на любую сложную работу, которая позволяла принести домой хоть немного продуктов. Неоднократно ей приходилось вместе с другими детьми ходить на колхозные поля и собирать гнилой и померзший картофель, который не успели собрать осенью 1941 года.

Валентина Игнатъевна Бусурина. 1950 год

Каждый человек хранит в памяти тот момент своей жизни, который кажется ему вторым рождением, переломом во всей дальнейшей судьбе. С этими воспоминаниями всегда связаны открытия о самом себе и других людях. Был такой случай и в жизни моей бабушки. Однажды во время фашистской оккупации в их комнате в бараке отдыхали немцы, там же варили себе суп. Валя, воспользовавшись моментом, решила им навредить и высыпала в кастрюлю чашку с солью. Вычислить виновную фашистам не составило труда. Ее поставили к печке и, несмотря на слезы матери, собирались расстрелять. Но вдруг за девочку заступился немецкий офицер, который отдал приказ убрать оружие и показал Марфе Тихоновне свою семейную фотографию, на которой были изображены он с женой и две дочери. Так приказ немецкого офицера спас Валу от неминуемой гибели.

Вместе с известием о победе в 1945 году Валентина Игнатъевна окончила школу и устроилась работать на авиационный завод в Тушине. Затем она вышла замуж за моего деда Александра Васильевича Мамаева, и у них родились три сына. Бабушке не удалось прожить долгую

жизнь, в марте 1992 года, когда мне было всего 5 лет, она умерла от болезни в возрасте 60 лет. Воспоминания о детстве Валентины Игнатьевны сохранила ее родная сестра – Тамара Игнатьевна Полякова.

«Под угрозой расстрела»

Мой дед – Александр Васильевич Мамаев – родился 4 февраля 1927 года в городе Нижнеудинск Тулунского округа Сибирского края (ныне Иркутская область). Отец – Василий Иванович, мать – Надежда Ильинична. Отец с матерью около 1935 года, когда в Нижнеудинске начались массовые репрессии, были сосланы на север, за полярный круг, в город Игарка. С 1930 года город был тем самым местом, куда ссылали крестьян из южных районов Сибири. Дети же Василия Ивановича и Надежды Ильиничны (в том числе и 8-летний Александр) остались в Нижнеудинске с бабушкой Матреной Федоровной Левченко.

Василия Ивановича в 1941 году в ходе всеобщей мобилизации призвали в армию. Служил он ездовым (кучером при воинской повозке) в 382-й стрелковой дивизии, которая в 1942-1943 годах вела бои под Ленинградом. Прадед с войны не вернулся: погиб 27 марта 1943 года на Дороге жизни: вместе с гужевой повозкой ушел под лед. Его имя занесено в списки Мемориала Славы защитников Отечества в городе Игарка и в Книгу памяти Красноярского края.

С началом войны 14-летний Александр устроился работать водовозом на местный хлебозавод в Нижнеудинске. Под угрозой расстрела он выносил с завода хлеб, спасая от голода свою семью и семью своего лучшего друга Сергея Коврова. В 1944 году Александр и Сергей пошли служить

в армию. Их направили в школу младшего начальствующего состава, а после обучения – на Дальний Восток. Служить приходилось в условиях ужасного голода. Доходило до того, что кусок хлеба делили на нескольких человек, горбушка же доставалась всем по очереди. Обязанностью Александра был отстрел диких животных (в частности, лосей и изюбрей) для части, потому как стрелял он с детства очень хорошо.

Александр Васильевич Мамаев (слева) и Сергей Васильевич Ковров. 1944 год

на фронт. К месту службы прибыли лишь через три месяца, в начале 1945 года. Служить пришлось в районе городов Ужгород и Чоп в пограничных войсках НКВД. Окончив службу, в 1951 году дед с другом приехали в поселок Снегири Истринского района, устроились на кирпичный завод: дед – сантехником, а друг – спортивным инструктором. В том же 1951 году Александр Васильевич женился на Валентине Игнатьевне Бусуриной и стал жить с ее родителями в Снегирях.

В 1952 году у них родился первый сын Александр (Сергей Васильевич Ковров стал его крестным отцом), в 1955 году – Юрий (мой отец), в 1960 – Валерий. Жили бедно. Семье помогал и тот самый друг, который отдавал, например, подросткам сыновьям Александра Васильевича спортивные кеды, а зимой – лыжи. Осенью 1974 года семья Мамаевых получила квартиру в новом пятиэтажном доме и переехала жить в Рождествено. Своего деда я не застал. Он умер 3 декабря 1985 года от сердечного приступа.

Александр Васильевич Мамаев. 1950 год

*Сергей Юрьевич
Фото из семейного архива автора*

Зимние хроники школы «Рождество»

26 ноября в школе «Рождество» состоялось открытие XII районных Рождественских образовательных чтений. По традиции духовенство и педагоги сначала собрались в храме Рождества Христова на Божественную Литургию, по окончании которой собравшиеся тепло приняли уже в стенах школы. Открыл семинар отец Александр сообщением о просветительской роли святого равноапостольного князя Владимира, а затем вниманию гостей был предложен концерт классической музыки в исполнении друзей и педагогов

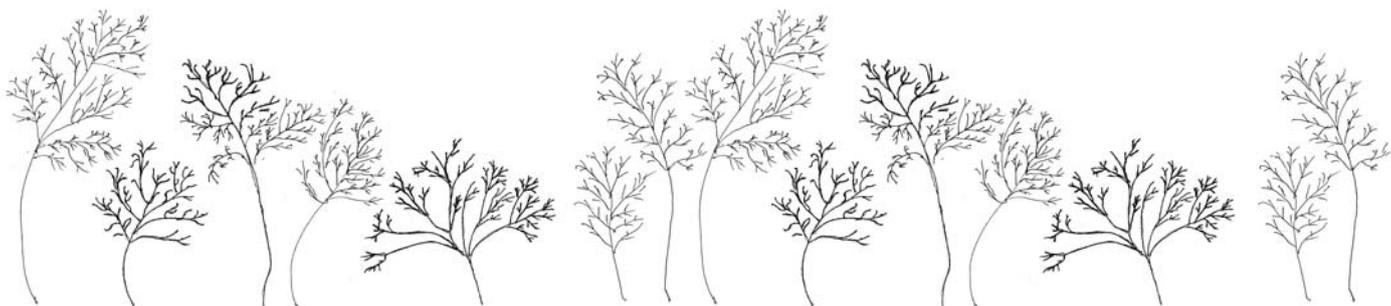

школы – молодых музыкантов, лауреатов международных конкурсов.

6 декабря ученики школы «Рождество» приняли участие в акции «Вахта Памяти», посвященной Дню неизвестного солдата и 73-й годовщине контрнаступления под Москвой. Маршрут начался в Павловской Слободе и проходил через населенные пункты, составлявшие в 1941 году рубеж обороны на Волоколамском направлении. В Рождестве, в храме Рождества Христова, отцом Александром была отслужена панихида об убиенных защитниках

Отечества, в школьной трапезной всех участников вкусно накормили. Акция завершилась в Ленино-Снегиревском музее, где была проведена экскурсия, состоялось вручение памятных подарков и возложение цветов к Вечному огню.

13 декабря несколько семей из нашей школы приняли участие в Рождественском Благотворительном Базаре, проходившем уже 17 раз в Москве в Культурно-просветительском центре во имя святителя Иоанна Златоуста. Учениками школы была представлена разнообразная домашняя выпечка для продажи в кафе «Десерт» с последую-

щей передачей выручки волонтерам на нужды онкологического отделения Российской детской клинической больницы, а также для «Корзинок феи» – подарков пациентам отделения.

30 декабря ученики вторых-пятых классов показывали предрождественский спектакль на английском «Mother Goose Nursery Rhymes» («Стихи и песни Матушки Гусыни»), организованный кафедрой английского языка. Ведущими праздника выступили ученики 6 класса: Ульяна Никольская, Николай Скаженик и Мария Барановская во главе с Викторией Вячеславовной Пчеляковой.

3 января, накануне Рождества, состоялся неожиданный концерт-поздравление музыкального коллектива в составе учени-

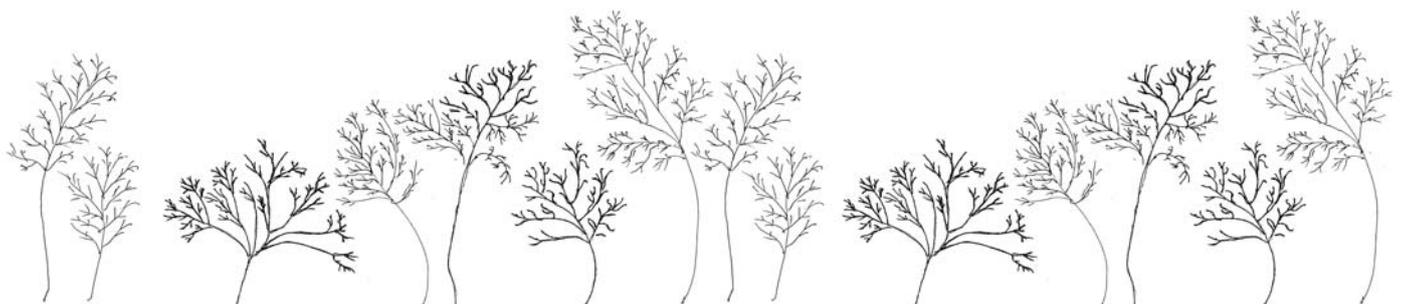
ков старших классов и выпускников школы во главе с Алексеем Евгеньевичем Серочкиным. Прозвучали песни Сергея Калугина, Ильи Кнабенкофа и Натальи О'Шей, инструментальные произведения Александра Александрова и Яна Андерсена, рисующие необычные и прекрасные образы зимних месяцев. Концерт прошел в домашней обстановке и был окружен вниманием и интересом слушателей.

17 января ученики 3-7 классов нашей школы были приглашены на детский бал «Рождественская елка». Изысканные бальные платья барышень и строгие наряды молодых людей словно перенесли всех на «машине времени» в пушкинскую эпоху. Полонез, полька, галоп, старинные бальные игры...

Два часа веселья и настоящей рождественской детской радости. Этот праздник состоялся благодаря сотрудничеству с детским православным движением «Вестники» и лично – с главным организатором балов Натальей Петровной Сергиевской. Бал проходил в зале московского Центрального дома работников искусств, что, разумеется, сделало атмосферу праздника еще более светлой и радостной.

*По материалам школьного сайта
www.shkola-snegiri.ru*

8 января 2015 года состоялся традиционный Рождественский праздник православной школы «Рождество». Как обычно, после молебна в храме и трапезы все отправились на большое рождественское действо, которое в этом году проходило в Доме культуры города Дедовск. Первое действие – «Дары пастушков» – сказка «Серебряное копытце», сценическая версия и режиссура Елены Геннадьевны Корочкиной. Затем – церемония вручения Кураевской стипендии и «Дары волхвов» – спектакль «Дюймовочка», сценическая версия отца Александра в постановке Оксаны Николаевны Чугуновой.

Моменты радости

*или Внезапно сложившаяся ода всем,
кто принимал участие в работе над спектаклем*

*«Будем гореть, будем хотеть, будем творить, как сумеем, лишь бы – радостно!»
Е. Б. Вахтангов* (своим ученикам)*

Совсем не обязательно знать, кто и кому это сказал, чтобы жить именно так. В школе «Рождество» именно так – по крайней мере, по-моему. Радость от творения. И дело даже не в подготовке к спектаклю (об этом чуть позже). По моему ощущению педагоги в этой школе творят с радостью, каков бы ни был предмет – фи-

«Дары пастушков» 1 класса

зика, математика, литература, физкультура. Конечно, эта цитата пришла мне в голову не сразу, но ощущение это посетило меня с первого дня пребывания в школе.

И правда, скажите мне, как (!) Ирина Николаевна может придумывать и шить сутками сказочные костюмы (сразу после бассейна или лыж), Лидия Анатольевна – делать то же самое, изобретать реквизит и создавать фантастические задники, будучи в краске с головы до пят, Андрей Александрович – пилить, строгать и разрабатывать не понятные с первого взгляда сценические конструкции, удивительные по

изяществу и функциональности; Антон Сергеевич – изобретать новый вид фонарика (почти новый велосипед), Ксения Александровна между уроками музыки, клиросом и хором – и находить музыку на «Выход крота» и «Полет ласточки», и создавать композиционные музыкальные шедевры в партитуре спектакля, и уст-

**Евгений Багратионович Вахтангов – актер, режиссер, создатель собственного театра, ученик Константина Сергеевича Станиславского – актера, режиссера, создателя «Системы обучения актерскому мастерству», по которой работают актеры во всем мире.*

раивать так, чтобы Александра Алексеевна не побоялась сесть за пульт «на звук» и «на свет» – (кстати, почему не боится?); Мария Алексеевна – плести косы на десяти головах (когда ты – главный школьный биолог и классный руководитель, у тебя ведь куча лишнего времени, конечно!), и, наконец, Марина Юрьевна – мастерски устроить так, чтобы все дела-ли все вышеперечисленное, и еще чтоб дети собирались на репетиции, и еще чтоб Татьяна Анатольевна написала новую песню, а Виктория Вячеславовна аранжировала ее – как это может происходить без этого ощущения? Простите за слишком длинное предложение.

Без ощущения радости? Нет, можно и без этого. Но результат будет совсем иным. Может поразмышлять, каким.

Помимо радости – без усердия, безусловно, не обойтись, и даже с радостью не все легко получается с первого раза. Но какова разница?!

Итак, как же получается спектакль? Уже есть пьеса (в нашем случае – сочиненная отцом Александром удивительная история, такая знакомая и совсем новая всегда!) Режиссер знакомится с ней, и дальше должен случиться

момент присвоения, то есть режиссеру нужно сделать пьесу «своей» (нет, не исправить в заголовке автора, а увлечься ею), полюбить. Чтобы получилось увлечь актеров.

Для меня этот этап обязательный: пока я не увлекусь пьесой, о следующих шагах не может быть и речи. Иногда приходится «до-сочинять» второй план, какие-то режиссерские трюки, но непременно с уважением к автору и материалу. Далее подбор актеров. Очень сложный этап, особенно среди актеров-детей, когда участвовать столько желания, а число ролей ограничено. А далее знакомство с пьесой, с внутренним миром героев и подробностями их существования в определенной среде, которое скрыто за текстом... Поверьте, даже в «Колобке» много чего скрыто за текстом!

И вот, после длительных репетиций, работы актеров с режиссером, на заключительном этапе подключаются остальные цеха. Костюмерный, декораторский, реквизитный, музыкальный,

световой. Так происходит в театре. А в школе? Откуда в школе могут появиться все эти цеха? Могут. Не в каждой. В школе «Рождество» – могут. Ключевой момент – «с радостью».

Для меня в этом секрет школы, секрет того, почему туда хочется возвращаться. Это правда удивительно, что можно подходить к постановке спектакля с таким профессиональным тылом. И с благословением отца Александра на труд. Спасибо каждому из вас, дети и педагоги, и главному директору театра, простите, школы – Валерии Феликсовне!

*Оксана Николаевна,
режиссер-постановщик спектаклей
«Маленький принц» и «Дюймовочка»
Фото Сергея Мамаева и Марии Уховой*

Дела рук наших

Обычная повседневная жизнь школы идет своим чередом – уроки проходят, как правило, при закрытых дверях, иногда – на открытом пространстве спортплощадки, порой – в отдаленных залах музеев, театров и столярных мастерских. И только Господь Бог да учителя знают, что творится в это время в сердцах и головах наших ребят, и, главное, к чему это все может привести. А потом наступает благословенное время экзаменов или просто взрослой жизни, и волей-неволей все проявляется – чему научился, на то и пригодился. Только наивный (а откровенно говоря, просто неумный) человек способен думать, что все случайно происходит – вот упало на голову яблоко, и открылся закон всемирного тяготения. Все дело в том, что это должна быть мыслящая голова Исаака Ньютона – совсем не каждому Господь свои законы открывает...

Для тех, кто трудится в разнообразных мастерских, время являть свои труды – это наши Актовые дни Пасхи и Рождества. Конечно, и в другое время любопытствующий найдет возможность приобрести чудо творчества, но уж в праздничные дни все оказываются приглашены в этот яркий мир. Так было и 8 января 2015 года.

...Широко распахнулись крылья самого большого из виденных мной рукотворных самолетов – это чемпионский корабль Дмитрия Вик-

торовича Москаленко. Под его руководством дебютировали наши ребята в качестве конструкторов-самолетостроителей. Кроме того были явлены инженерно-столярные способности 5-7-клас-

сников в изготовлении дизайнерских моделей кормушек и табуретки (Данила Подорванов успел закончить свой образец к Рождеству). Неожиданно изящными и удобными оказались подаренные учителям школы указки, творения рук молодых подмастерьев. Дай вам Бог вырасти в мастера, ребята!

Следующий раздел выставки – россыпь драгоценностей и самоцветов. Это тоже дебют студии витражной росписи под руководством Виктории Владимировны Торгашиной. Блюда и чашки, волшебные фонари, витражные стекла, ширмы и что-то еще, не имеющее названия, но очень красивое! Студия объединила и мальчиков, и – конечно! – девочек, и даже родителей. Труд их оказался очень плодотворным – уже и в притворе храма повешены два прекрасных фонаря работы наших детей.

Невозможно передать ощущения какой-то детской, почти младенческой радости от взгляда на бесспорный шедевр витражников – сказочный светящийся изнутри сундук. Это же надо было такое придумать, а Андрею Александровичу Дьячкову – сделать деревянную основу под все это великолепие! Честное слово, просто восхитительно. Многие

из гостей ушли с сувенирами, впервые мы решились устроить рождественский базар. Скажу по секрету, он прошел с экономическим успехом – есть на что теперь краски покупать.

Золотоглавая расписная народная игрушка – плоды трудов Альбины Николаевны Силовой на занятиях декоративно-прикладным искусством. Также под ее руководством и под руководством Лидии Анатольевны Федоровой за четыре месяца создано множество прекрасных рисунков – так появилась выставка изобразительного творчества.

Переходим к девическому рукоделию, и – перед нами отличные многоцветные удивительных геометрических орнаментальных форм и конструкций лоскутные одеяла (особенно образованные говорят, что это называется «техника пэчворк») – таким образом готовить себе приданое вместе с Марией Алексеевной уже начали девочки 7-го класса, а пятиклассницы вместе с Ириной Николаевной пока осваивают азы – разнообразно вышитые книжные закладки. Наверное, уже штук 15 таких из-

делий служат церковному делу в богослужебных книгах.

Как всегда неожиданные яркие летние окна – фотовыставки «Мир путешествий» (постоянный многолетний организатор – Мария Алексеевна). Уже после праздника, в школе, я пригляделась к ним внимательнее... Вот это география! От Соловецкого архипелага до Нью-Йорка, от Крыма до реки Лены. Неплохой опыт изучения окружающего мира, право слово!

...Так много света и радости, отличное настроение и десятки родителей и детей – рассматривающих, увлеченных, восхищающихся.

...Сколько труда и сил, сколько творческой энергии, сколько синергии – со-работничества.

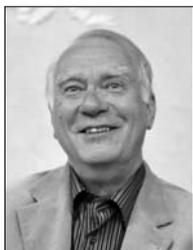
...Как хорошо нам всем вместе.

С Рождеством!

*Валерия Феликсовна
Фото Сергея Мамаева*

«Трудолюбивой и просвещенной...»

Во время Рождественского праздника православной школы «Рождество» состоялась очередная торжественная церемония награждения Большой кураевской стипендией. В этом учебном году награду «за достойные успехи и благоразумное поведение» получила ученица 11 класса Анастасия Петрова. В этом году, к сожалению, никто из семьи Кураевых приехать не смог, но Михаил Николаевич прислал всем нам свое поздравление, которое и было прочитано со сцены.

Дорогие друзья! Обстоятельства не позволяют приехать к Вам и принять участие в замечательном празднике. Но вот уже полтора года мы живем в сердечном и дружеском единении. И потому от всей души поздравляем вас со Светлым праздником Рождества Христова и шлем пожелание душевной стойкости, житейской мудрости, любви и благорасположения друг к другу, готовности укрепить ослабевших, готовности одолеть все волны, что предуготовило нам, как говорится, море житейское.

Наша семья помнит и с благодарностью будет помнить неутомимого Сергея Мамаева, вернувшего нам из небытия камень, хранящий память о нашем славном предке и вашем земляке – служащем Ивановской суконной фабрики Никанд-

ре Акимовиче Кураеве. Мы рады были познакомиться с удивления достойной школой «Рождество» и ее директором, излучающей доброжелательность и сердечное тепло – Валерией Феликсовной. И конечно, мы восхищены, и, где можем, рассказываем о непомерных трудах отца Александра, послуживших возрождению храма в Рождествено, учреждению школы «Рождество» и благословившему наши дружеские узы.

И конечно, самые сердечные поздравления нашему новому стипендиату – Анастасии Петровой. Мы рады от имени нашего прадеда засвидетельствовать признание за вами, наши дорогие, права именоваться наследниками тех, кто преуспел в учебе и готов послужить нашей земле без понуждения, по сердцу, по уму, по вере. С праздником, дорогие друзья!

Михаил Кураев

Наша поездка в Ярославль

В начале сентября мы с ребятами обменивались впечатлениями – кто как провел лето. И выяснилось, что Аня Полищученко провела лето очень необычно. Почти весь август она трудилась в монастыре, помогая сестрам по хозяйству, тем более что в это время шла подготовка к торжественному празднику – 700-летию обители. Мальчишки из восьмого класса, впечатлившись Аниными рассказами, попросили ее помочь с организацией поездки в этот монастырь – потрудиться на благо обители, поклониться святыням и посетить город Ярославль.

Каким-то непостижимым образом ко дню выезда 19 сентября группа выросла до 16 человек – в нее влились девочки 8 класса, а потом и наш одиннадцатый класс с Татьяной Варзанофьевной. Так мы и выехали из Москвы в Ярославль большой веселой компанией.

Чего мы ожидали от этой поездки? Хотелось увидеть старинный город Ярославль, где почти никто не был, хотелось посетить Свято-Введенский Толгский женский монастырь, хотелось быть полезными сестрам монастыря, хотелось получить благодать, и даже наши недосыпания не помешали приникнуть душой к святому месту.

Приехали в Ярославль мы рано утром, в половине пятого. Недолго посоветовавшись, решили прогуляться пешком по городу, посмотреть исторический центр – там тоже есть Красная площадь. Затем на площади сели в автобус и отправились к монастырю, полчаса ехали, затем еще полчаса брели пешком по густому туману, радуясь друг другу и красивой природе вокруг. Встретила нас мать Мириам. Кажется, она волновалась, и, может быть, немного беспокоилась. Не каждый день приезжает немаленькая группа подростков не просто посетить монастырь, а и что-то сделать по хозяйству. Могут ведь и напалить или еще что-нибудь. Что ж, постараемся развеять опасения матушки. Тихо и спокойно мы пошли за ней, оставили вещи в доме паломника и отправились в храм Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, где

приложились к мощам святителя Игнатия Брянчанинова, к Толгской иконе Божьей Матери. Затем каждому из нас дали послушание в монастыре. Несколько мальчишек отправились рубить капусту, девочки – убирать территорию, остальные пошли упаковывать монастырский чай. Трудились мы до вечерней службы. Тут девочки, как только добрались до своей комнаты, сразу же упали на кровати и уснули, мальчишки с Аней, Александром Николаевичем и Татьяной Варзанофьевной нашли в себе силы помолиться на вечерней службе. После все собрались и пошли на вечернюю трапезу. На выходе из трапезной нас уже ждала мать Спиридоны. Она провела небольшую, но очень интересную экскурсию по монастырю. Матушка рассказала не только об истории и постройках монастыря, но и о том, как туда приходят, развеяла некоторые заблуждения и стереотипы и о монахинях, и о

монастырском укладе. День мы закончили по-разному. Большинство вернулись в дом паломника, а четверо восьмиклассников с Александром Николаевичем взяли вещи и отправились в близлежащий лесок, чтобы не утруждать сестер размещением такого большого количества паломников. Они устроили там ночлег, посидели у костра, вскипятили чай и вообще хорошо провели время. На следующий день, в воскресенье рано утром, мы все отправились на Божественную Литургию, причастились, поклонились святыням. Это было воскресенье 21 сентября, день Рождества Пресвятой Богородицы.

После службы мы быстро собрались и на речном трамвайчике отправились по Волге в город. Погода отличная, настроение прекрасное, уезжать не хотелось. Но все хорошее заканчивается и уступает место чему-то другому, не менее хорошему, – после прогулки по городу мы сели в поезд и вернулись в Москву. На душе моей было светло и радостно, надеюсь, и у всех тоже.

*Анастасия Петрова
Фото автора*

Черновики эссе

«Хочу» и «надо»

Этими двумя словами, по существу, можно определить все наши поступки. В жизни очень часто сталкиваются эти противоположные слова. С самого утра уже возникает противоречие: встать или еще немного полежать?

С одной стороны, надо встать пораньше, чтобы собраться и успеть в школу. Но, с другой стороны, зачем куда-то торопиться? Не проще ли еще подремать? А в школу я и так успею.

Если мы выберем «надо», то не опоздаем в школу, успеем подготовиться к уроку и повторить домашнее задание, поговорить с друзьями. А если «хочу», то времени не будет ни на что, мы вообще можем опоздать в школу.

К сожалению, человек часто выбирает «хочу» и не готов идти ему наперекор. Мне кажется, каждый человек должен разобраться в себе, понять, все ли он правильно делает. Ведь иногда из-за нашего «хочу» случаются страшные вещи.

Арсений Алексеев

Свободное время – трудное время

Когда мы пришли из школы и сделали домашнее задание, у нас остается еще немного времени. Свободного времени. Как нам его провести?

Свободное время – трудное время. Ты можешь проводить его как захочешь. Но от него зависит, как и чему ты научишься в жизни, кем ты станешь. Сможешь ли ты прожить настоящую жизнь.

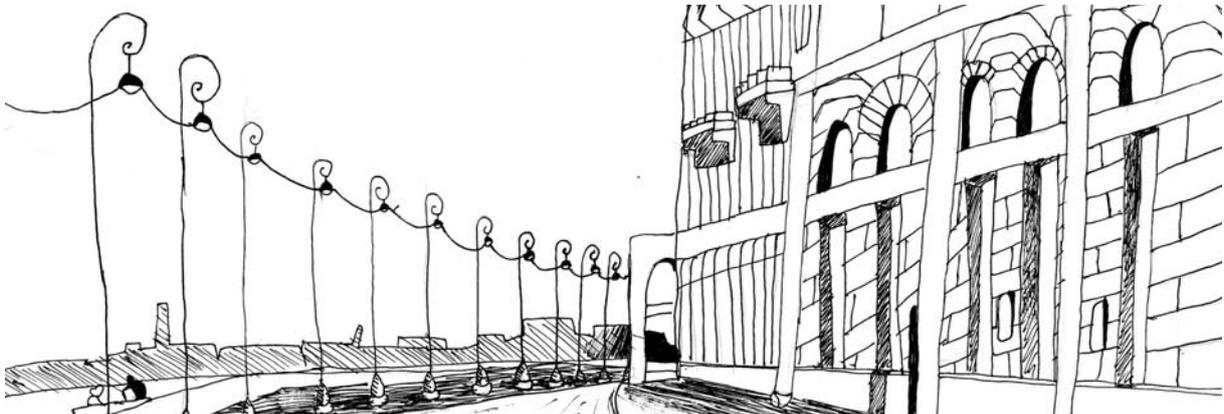
Можно, конечно, закончив с уроками, сразу полезть в Интернет, поиграть в компьютерные игры, посмотреть телевизор, пойти погулять. А можно вспомнить, что мама просила выбросить мусор. Можно убрать свою комнату или почитать книгу. Но лучше всего заняться спортом. Он научит выносливости и дисциплине.

Если мы будем внимательнее к себе и окружающим нас людям, мы сможем больше понять, чему-то научиться. Это пригодится нам в жизни гораздо больше, чем умение быстро нажимать клавиши.

Арсений Алексеев

«Есть люди, которые говорят: “Читать люблю... только не стихи”. Тут кроется неправда – человек, не любящий поэзии, не может по-настоящему любить и прозу, воспитание поэзией – это воспитание вкуса к литературе вообще» (Евгений Евтушенко). Я согласен с Евгением Евтушенко в том, что человек, который читает только прозу, а поэзию не любит, не может сказать, что любит читать по-настоящему. Во-первых, читая лирические произведения русских писателей, люди узнают всю силу и красоту родного языка. Во-вторых, прочитывая больше стихотворений, человек начинает говорить богаче. В-третьих, поэзия учит воспринимать красоту, а значит расширяет сердце. Вот почему я согласен с Евгением Евтушенко.

Петр Казанцев

Веселые уроки русского языка

Могут ли правила и задания (скучные?) по русской грамматике стать веселыми и увлекательными? Например, написание *-ь* и *-ё*? Помните: «В исконнорусских словах после приставки, оканчивающейся на согласную, и перед корнем, начинающимся на йотированную гласную...» Ужас!.. А есть еще иностранные слова... А еще есть *-ь* – разделительный и показатель мягкости (не смягчающий! – смягчает лишь подушка!)... А что, если написать какую-нибудь невероятную или вероятную историю, где сойдутся слова на эти скучные правила? Учимся весело вместе с 7 классом!

Дорога домой

Автобус подъехал к конечной остановке, и я вышел из него. На улице началась сильная вьюга. Съездившись от холода, я шел домой по изъезженной машинами дороге. Деревья были занесены снегом. На оконных стеклах виднелась изморозь. От холода бросало в дрожь. Быстро пробежав глазами объявления, я прошел в подъезд. После подъема на седьмой этаж я зашел в пятьсот двадцать третью квартиру. Зайдя в теплое помещение, я начал согреваться, но окончательно согрел меня горячий чай с вареньем.

Иван Элькин

Лагерь

Утром мы просыпались под пронзительные звуки сирены. Поднимались с кроватей и шли на зарядку. Мы встречались возле трапезной и начинали разминаться. После бежали кросс вокруг поля, окруженного деревьями. После кросса шли умываться и застилать постели. Затем снова звучала сирена. Все шли вниз под оранжевый тент. Там мы встречались со своими друзьями, чтобы помолиться. Затем завтрак, а после него тренер объявлял расписание тренировок. Когда все заканчивали вооружение яхт, то выходили на воду. А после тренировки нас собирали вместе и объясняли наши ошибки.

Арсений Алексеев

Радостное письмо

Однажды почтальон принес адъютанту письмо в конверте с красным вензелем. Немного волнуясь, посыльный отдал послание слуге.

Вечером адъютант Николай Иванович Синицын в парадной форме вернулся домой. Сел на диван, снял белые перчатки и, удивляясь своему волнению, открыл конверт и стал читать: «Уважаемый Николай Иванович, – гласило оно, – я сообщаю Вам о том, что двадцать восьмого ноября в восемь часов вечера состоится офицерский бал. Приезжайте. С. Н. Руцинский».

Синицын на мгновение оторопел, думая, что Семен Николаевич ошибся. Для проверки прочитал еще раз и улыбнулся, закрывая глаза и представляя офицерский бал, танцующие пары с мыслью о том, что его ждет повышение по службе. Адъютант просидел с этими мыслями о новой должности, еще не зная, что там ему предстоит встретить будущую жену.

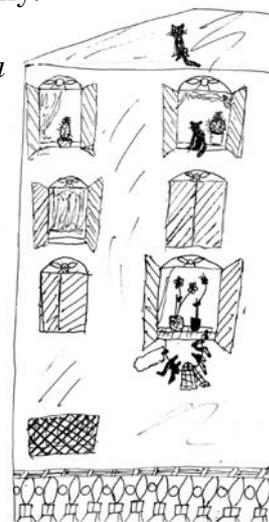
Елизавета Чеботарева

Про Ваську

Васька жил в поселке на месте отработанного песчаного карьера. Рядом был лес, куда мальчик с друзьями ходил гулять. В лесу пели соловьи, стучал дятел, иногда можно было заметить зайца.

Однажды Васькины друзья нашли в лесу лисью нору. Они рассказали это Ваське, а он не поверил. Разъяренные друзья ушли, хлопнув дверью. Потом они, конечно, помирились, и упали друг другу в объятия.

На следующий день друзья отправились в лес, и Вася увидел нору наяву. Они прошли по тропке и вышли к необъятному полю. Оно было полностью засеяно рожью. Друзья сделали крюк и отправились домой. Там им пришлось объяснять свою долгую прогулку.

Эмилия Олесова

Что такое классика?

Размышления 10 класса

«Классика – это классическое произведение. Классический – являющийся классикой, созданный классиками. Классик – выдающийся, образцовый, признанный деятель науки, искусства, литературы» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка).

По словарю Ожегова, классика – это произведения, созданные выдающимися деятелями литературы (сейчас мы поговорим именно о литературе). Чтобы можно было назвать какое-то произведение классикой, оно должно соответствовать всем этим характеристикам. Не удивительно, что «золотой век» русской культуры, XIX век, – это время классической русской литературы. Так много в нем произведений выдающихся, выделяющихся. Не зря же это время и названо «золотым веком».

Егор Елатомцев

Раньше мне казалось, что произведения классической литературы – самые мудрые, проверенные временем, но больше я ничего определенного сказать не мог. А теперь я еще добавлю, что многие из них обращены к образам и формам античного искусства как к идеалу, имеют ясную, уравновешенную композицию. А главное, произведения классической литературы являются необходимым, базовым уровнем знаний для каждого душевно развитого человека.

Николай Недошивин

С латинского языка слово «классика» переводится как «образцовое произведение». Значит, классика – это то, что должно являть собой пример. В любой сфере – в музыке, литературе, моде и так далее. Классика – это то, что не изменяется со временем, что интересно разным поколениям людей во всем мире. Классика помогает разобраться в очень сложных вещах. В литературе, я думаю, классическими могут считаться такие книги, на которых выросли несколько поколений читателей, – например, произведения Пушкина.

Степан Бурков

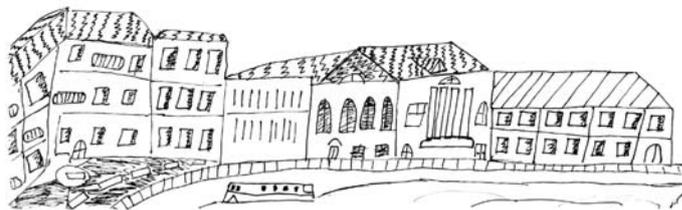
В древности «классика» или «классический автор» означало «изучаемый в школе». Древняя Греция и Рим уходили в прошлое, а классических античных авторов продолжали читать и учить в школе. Произведения древних писателей и философов стали считаться образцом для подражания. Отсюда и появилось новое значение слова «классика» – «образец».

Классика бывает двух видов – мировая и национальная. В мировую классику входят произведения древних и современных авторов, признанных во всем мире. А национальная классика – это свод произведений, признанных наиболее совершенными в той или иной стране. Они становятся примером при написании новых произведений на том или ином национальном языке.

Анастасия Ухова

Классика – это духовная пища для человека, она помогает душе почувствовать стремление к чему-то возвышенному. Но каждый определяет для себя сам, что такое классика. Как и телесная еда, она требует вкуса и аппетита. У каждого homo sapiens свои предпочтения в пище – что нравится Пете, может не понравиться Васе. Так и с классикой. Петя любит Пушкина, а Вася читает «Гарри Поттера» и тоже считает его классикой.

Андрей Безбородов

Классика – это важная часть нашей жизни. Она может помочь человеку разобраться в себе, понять, где правда, где ложь. Если бы не было классики, у человека не было бы целостной картины мира, а какая-то пустота внутри. Нельзя прожить настоящую жизнь без классики.

Анна Фролова

Tall ship Race* 2014

...Под глубочайше синим рассветным небом, окантованным темными горами на берегу, отраженном шершавым ветренным морем, мы укачивали паруса, стоя на реях на высоте многоэтажного дома. Такой невиданной красоты, как там, наверху, трудно где-либо найти. И эта красота достается в награду вместе с радостью победы над своими страхами, совершенной ради общего, правильного и верного дела.

* * *

Обыкновенно кажется, что большие парусники давно ушли в прошлое, эти громады белых, как облака, прямых парусов на горизонте, а море навсегда теперь принадлежит танкерам и контейнеровозам, которые просто и без приключений перевозят продукты промышленного производства из порта А в порт Б с той же обыденностью и прямолинейностью, с какой это делает товарный поезд. Морские путешествия, еще во

* * *

До сих пор трудно в это поверить, но в один самый обыкновенный день я сел в самолет и улетел из родной страны в болгарскую Варну, чтобы принять участие в Tall ship Race 2014 в качестве члена палубной команды парусного учебного судна «Надежда». Самолет совершил посадку, на рейсовом автобусе я доехал до центра города и пошел наугад к порту, ориентируясь на людей в морской форме. По уютным и чуть захолустным улицам курортного города, напоминающего смесь Геленджика с Калининградом, я вышел к спокойному и пасмурному морю. Вялые туристы и местные пенсионеры бродили по пляжу вдоль кромки воды. Справа, за волноломом и оградой порта поднимались леса мачт, переплетенные ажурными нитями снастей. Пришедшие из разных частей света громадины замерли в ожидании начала гонки через все Черное море.

семьдесят лет назад бывшие необходимостью для тех, кто хотел попасть из Старого света в Новый, уже несколько десятков лет как заменены воздушными. И для судов небесного океана океан Атлантический не является серьезным препятствием. Пилоты, работающие на рейсах между Европой и Америкой, говорят несколько пренебрежительно: «Летаем через лужу».

И только для любознательного читателя приключенческих романов, для мальчишек и девчонок, занимающихся парусным спортом, эти корабли всегда будут воплощением мечты о настоящих, великих путешествиях прошлого, далеким и невозможным, ушедшим в века, способом жить.

Туманным утром мы покидали притихшую Варну. Корабли гудели на прощание, портовые буксиры отклеивали и выпроваживали их на рейд, толпа зрителей на берегу махала вслед.

В море начался парад открытия, а у нас – постановка парусов. Курсанты, опоясанные страховочными сбруями, разбежались по судну, поднялись по вантам на реи до самой высокой из них и отдали скатанные и подвязанные полотнища прямых парусов. Внизу, на палубе, их товарищи выбирали фалы, шкоты и брасы (значение морских терминов можно посмотреть в «Словаре яхтсмена», опубликованном в «Лексиконе» №7). На мостике стояли почти все офицеры – судоводители и руководили ма-

* Tall ship Race – гонки больших парусников.

неврами большого судна в толпе провожающих нас суденышек.

Румынская «Мирчеа», видимо, не рассчитав скорости, подошла к нам сзади на опасно малое расстояние и отвернула в сторону на расстоянии меньше длины корпуса, так что у нас сработала система предупреждения об опасном

сближении судов. «Аке-ла», двенадцатиметровая яхта из Санкт-Петербурга, подошла к нашему борту для приветствия: ее экипаж выстроился на палубе и под истошные вопли дудки танцевал какой-то незамысловатый танец, а наш старпом, снисходительно улыбаясь, отвечал им гудками корабельного «тифона», от которых трясется палуба и есть некоторый риск сорваться с мачты. Мы заняли свое место в колонне парада и прошли вместе со всеми судами мимо тральщика, с которого нас приветствовал президент Болгарии, и приспустили флаг по морскому обычаю.

Стартовая процедура. Исполинские корабли занимают позиции на двухмильной (3,6 км) стартовой линии за полчаса до старта. Экипажи брасуют реи, тихий ветер наполняет огромные полотнища, и мы берем старт. В нашей группе – «Крузенштерн», «Седов», «Мир», румынская «Мирчеа», пакистанский «Ренауард» и болгарские «Роял Хелена» и «Калиакра». По радио передают сигналы старта. Незаметно разгоняемся и вместе с соперниками пересекаем линию с опозданием на несколько минут. Начинается гонка через все Черное море до нашего Новороссийска.

* * *

Что такое учебное парусное судно? Это две тысячи тонн металла, три тысячи квадратных метров парусов, сто метров длины и сто пятьдесят человек экипажа.

Огромный плавучий дом. Три жилых палубы, четыре метра надводного борта. Это организм, который живет своей, независимой от мира жизнью, и может делать это где угодно – у причала в родном порту, в территориальных водах своей страны, на другом конце мира посреди океана. Во многом «Надежда» – обыкновенное современное судно с его двигателями, электрикой, вентиляцией, приборами навигации и спасательным оборудованием. На его борту нет звуковой атмосферы, присущей маленьким яхтам, когда слышишь только шум ветра и набегающих волн – здесь круглые сутки работает четырехсотсильный двигатель, питающий судно электрической энергией.

Его ведет экипаж из дипломированных судоводителей, механиков, электриков, на борту работают кок, буфетчицы и дневальные. На нем проходят практику студенты Морского Государственного Университета имени Невельского – изучают морские дисциплины и сдают зачеты по своим специальностям в свободное от парусных вахт время.

Их курс рассчитан не только на успешное преодоление учебных трудностей в реальной обстановке, но и на обучение умению долгое время работать в тесном морском коллективе.

И все же находясь в гонке, в чередѣ вахт, авралов, изменений погодных и ветровых условий, нельзя не проникнуться ощущением связи времен. Будто наваждение, возникают перед глазами картины из жизни моряков прошлых столетий –

те же термины, маневры, свистки боцманов и, может быть, то же чувство единения в трудной матросской работе, та же зависимость от природных сил и то же неизбежное стремление всех моряков на сушу.

В детстве я слышал такую легенду: курсанты, проходящие практику на больших парус-

никах, после нее делятся на три группы. Первая, проникшись всерьез, готова ходить в море под парусом. Вторая, хоть и готова ходить дальше в море на танкерах или контейнеровозах, но под парусом не пойдет больше никогда. Третья категория выпускников, навидавшись авралов по уборке парусов в штормовом море, никогда и ни за что больше в это море не пойдет. Я рассказал эту легенду одному из курсантов в качестве шутки, а тот неожиданно подтвердил ее. Как оказалось, действительно, есть те, кто «заболевает» морской работой, а есть те, кто в море идет за заработком. И даже те, кто идут в мореходное училище за дипломом, который думают как-то применить на берегу.

Тут нужно заметить, что, по стечению обстоятельств, среди ста пятидесяти членов экипажа только я один значился пассажиром. И что «Надежда», в отличие, например, от «Мира», не привычна к роли судна «для гостей».

Поэтому только ленивый не спросил меня, как я попал на судно и сколько мне это стоило. В глазах курсантов часто читался вопрос «зачем?», поскольку, как уже говорилось, не все шли на эту практику, будучи воодушевленными морскими рассказами Сабатини.

Но все же нашлись ребята, с которыми мы вместе «смотрели кино про море» (так в шутку между нами называлось созерцание извечного морского пейзажа) на подветренном борту. Они фотографировали вместе со мной морские закаты, рассказывали о звездном небе над Индийским океаном и о зеленом луче, появляющимся в миг заката очень редко и потому будто бы приносящим счастье.

От одного из них я услышал совершенно неожиданно, что он любит морскую работу потому, что в море спокойно. Неожиданная эта мысль, поселившаяся в уголке сознания и напитанная послевкусием общения с людьми морской работы, закрепилась и проросла. В море, бурном, безмолвном, бесконечном действительно может быть спокойно. Потому что мир становится простым и ясным – есть цель и

средства ее достичь, есть твоя роль в жизни судна и экипажа, и вокруг ничего, и никого лишнего.

Старшему помощнику капитана меня представили в начале нашего первого гоночного дня. Мне удалось не раз побывать на ходовом мостике и узнать многое о жизни парусника изнутри. Например, что на огромном корабле есть такие же указатели ветра, сделанные из ниток и ленточек (по-простому называемые «колдунчиками»). Что ради выгодного течения можно зайти не только на правую часть водохранилища, но и на южную часть целого моря. Что положение в гонке и отрыв от соперников, собственную и чужую скорость и траекторию, название корабля на горизонте и всю другую информацию можно получить, просто

взглянув в радиолокатор. Что погоду яхтсмены, виндсерферы, парашютисты и капитаны парусников узнают на одном и том же сайте. Что капитанов таких учебных кораблей на свете меньше, чем космонавтов. Что для Больших Парусников Черное море очень и очень маленькое.

По моей просьбе меня распределили на вахту с командой бизань-мачты, которая длится с 4 до 8 ча-

сов утра и вечера. Благодаря этому все закаты и рассветы были моими. В обязанности дежурной вахты входит работа по настройке парусов, а также наблюдение за морем. Если на палубе работы нет, вся вахта, кроме наблюдающих, ожидает в учебном классе – самом большом помещении судна. А работа есть тогда, когда изменяется направление или сила ветра. Тогда мы хватаем нужный канат и под крики боцмана набиваем или потравливаем его. Если же предстоит поворот, изменение курса или перенастройка всех парусов, по всему судну раздаются три длинных звонка и команда «Парусный аврал. Все наверх!» Поворот такого исполина зависит во многом от слаженности команды, он состоит из нескольких этапов и длится от 15 до 30 минут. Многотонные рей где-то в вышине со стоном проворачиваются и встают в новое положение.

ние в любую погоду под действием только мускульной силы и сидящей в голове каждого мысли, что от него зависит успех гонки и благополучное возвращение парусника в порт. Вообще же соревнование таких гигантов навязчиво вызывало ассоциацию – это как будто гонки на космических кораблях из фантастических фильмов. И при всем этом успех во многом зависит от того, кто ведет парусник, от его чутья и «чувства руля». Был эпизод, когда всю мою вахту мы шли с нашим главным соперником, парусником «Мир» нос к носу подряд несколько часов, пока наш старпом не сумел выиграть пол-корпуса и выйти вперед.

На третий день гонки к вечеру ветер серьезно усилился – мы понеслись под большим креном в сторону Новороссийска мимо побережья Крыма, делая 15 миль за час.

Все свободные от вахт высыпали на палубу, впечатленные величественным зрелищем – паруса с натугой удерживали бушующий поток ветра, а нос судна с грохотом разрезал морскую волну, почти не замечая ее, оставляя клокочущий след в сумерках за кормой. На лицах курсантов читалась смесь восторга, удивления, и легкого испуга. К ночи старпом запретил перемещения по палубе всем, кто не занят на вахте, из-за риска потерять человека за бортом. Во внутренних помещениях тем временем появилась возможность ходить по стенам – они почти поменялись местами с полом.

По ходу гонки мы далеко оторвались от основных соперников, за исключением «Мира» и «Калиакры». В черед авралов и вахт в ночном небе промелькнули огни Крыма.

Ветер оставался сильным, поворотов стало все больше – мы подходили к финишу в Новороссийске. В последние сутки курсанты практически не спали – авралы шли один за одним, и вот уже ночью мы полным ходом подошли к финишной линии и начали выполнять поворот. Пришло усиление ветра. Пока рулевые на мостике пытались развернуть непослушное судно, вся палубная команда боролась с парусами

сами фок-мачты, стоя на мокрой палубе, наклоненной под нечеловеческим углом. Люди с испуганным и надсадными криками боролись с ветром. Старпом сошел с мостика и лично руководил работой. В итоге облепленный людьми канат поддался, и мы совершили поворот, этот финальный аврал стал достойным завершением наших приключений на пути через Черное море.

Потом, под глубочайше синим рассветным небом, окантованным темными горами на берегу, отраженным шершавым ветреным морем, мы укатывали паруса, стоя на реях на высоте многоэтажного дома. Такой невиданной красоты, как там, наверху, трудно где-либо найти. Эта красота достается в награду вместе с радостью победы над своими страхами, совершенной ради общего, правильного и верного дела.

Когда мы ошвартовались в Новороссийске, для жителей города устроили экскурсионный день – люди приходили подивиться на прекрасные и величественные барки, фрегаты и шхуны, вычищенные до блеска, расцвеченные флагами и достающие до неба топами своих мачт. А для

тех, кто прошел гонку, эти суда были вторым домом, местом работы и средством для путешествия, чем-то родным, чем-то таким, что можно считать частью своей жизни.

Перед самым уходом корабля я сердечно попрощался с экипажем. Последним я уходил от старпома, который не преминул угостить чаем, показать фото и побеседовать, а после подарил мне целую гору значков для ребят из Парусного лагеря. Эти значки – не просто сувенир, и не продаются никому. Они – часть парадной формы курсантов, своего рода знак различия. И теперь наши растущие судоводители связаны невидимой нитью с экипажем громадного, железного и настоящего фрегата, живущего на другом конце нашей большой страны, в порте Владивосток.

*Алексей Евгеньевич Серочкин
Фото из архива автора*

Зимние истории

Снеговик

Пришла зима. Много снега намело. Выйдешь из дому, да так и провалишься в сугроб! Все деревья в снежных кружевах.

Ребята вышли во двор и начали лепить снеговика. Снеговик получился замечательный. Нос – морковка, глаза – угольки. Ушли дети обедать, и остался снеговик один. Скучно ему. Решил покататься на качелях. Накатался, захотел слезть, да прыгнул неудачно, развалился. Тут подбежал щенок и говорит: «Не волнуйся, снеговик, я тебе помогу. Позову всех своих друзей, и мы вместе тебя соберем». Позвал щенок белочек, синичек, снегирей. Долго они трудились. Наконец, снеговик готов. Только носа нет – упала морковка в глубокий сугроб, не достать.

Стемнело. Стоит снеговик и думает: «Вот придут ребята, а я без носа. Расстроятся!» Вдруг откуда ни возьмись прилетели синички и принесли новую морковку. Обрадовался снеговик, поблагодарил. Вскоре пришли ребята. Они слепили еще одного снеговика и все вместе стали играть в снежки. Вот было весело!

Алексей Киселев

Как зверята справляли Новый год

Зверята справляли Новый год. И каждый из них принес что-то на елку. Белка принесла шарики. Волк принес морковку, а заяц принес качан капусты. Когда все украшения повесили, зверята вдруг начали спорить, у кого самое лучшее украшение. Спорили они, спорили... пока не пришел Дед Мороз. Он спросил у зверят: «О чем вы спорите?»

Они рассказали ему, что спорят о том, у кого самое лучшее украшение. Дед Мороз сказал: «Лучше вот я вам по подарочку дам! Справляйте Новый год без ссор!»

* * *

В наш лес заглянула Зима,
Там стало белым-бело.
Зверьям зима очень нравится,
В снежки играют они.
Лисички играют в салочки,
А олени играют в футбол.
Медвежата играют в скакалочки,
А моржи в баскетбол!!!

Григорий и Мария Конаковы

Синяя крепость

13 декабря рано утром мы с подругой Дашей пошли гулять. Вечером должен был приехать ее брат, и мы собирались все вместе поиграть в снежки. Поэтому Даша предложила:

– А давай пока построим крепость!

Строили мы весь день. Нам даже пришла помочь Дашина сестра, да так и осталась с нами.

Крепость удалась на славу: двухметровая! Снег мы полили штемпельной краской, и стены крепости получились синие, с украшениями из ягод рябины. А внутри нее мы развели настоящий небольшой костерок.

...В конце концов мы втроем молча улеглись на «снежный пол» внутри нашей крепости. Лежали и восторжались ее красотой...

На следующий день мы с радостью и нетерпением побежали на улицу, чтобы увидеть нашу постройку. Но крепость за ночь... растаяла! Представьте, как мы расстроились! Весь день трудились – и все зря!

Дорогие дети! Как бы вам ни хотелось, не стройте из снега раньше, чем будет минусовая неделя!!! Иначе вас ждут огорчения.

Софья Краснова

Мои зимние приключения

Это случилось, когда мне было примерно лет восемь. Однажды я гулял у бабушки в деревне. Уже темнело, и, наигравшись с друзьями, я быстро пошел домой.

Дорога проходила по краю густого леса, в темноте деревьев уже почти не было видно. И тут вдруг послышались какие-то шорохи. Я немного испугался и замедлил шаг.

Совсем не хотелось идти туда, но потом мне все-таки стало интересно. Я начал продвигаться в сторону леса. Вот первые два дерева... Вот и первые следы... Мне стало еще интересней, и в то же время – еще страшней. Мы тогда в лес мало ходили, поэтому я не знал его. И тут вдруг – шорох за шорохом и здесь, и там! Я испугался еще сильнее.

Тут я вспомнил, что забыл отдать другу фонарик. Достал его, включил, и лес стал немного светлей. Вот вижу – чьи-то уши из куста выглянули... Так это же зайцы вышли погулять! Ну вот... А я думал, что-то интересное...

Когда я вернулся домой, то рассказал об этом приключении своим домашним. Мы всей семьей дружно хохотали! Да, история вышла смешная, но и немного страшная.

Тимофей Петров

Карапузик, Толя и Зима

Карапузик – это маленький пингвинчик. Он домашний. Неуклюже, но очень важно, пыхтя, как паровоз, Карапузик бежит за своим любимым хозяином, Толей.

– Толя, покатай меня! – жалобно пищит Карапузик.

Толя, которому 4 года, сопя, поднимает его.

– Ну и слоненок же ты! – со вздохом облегчения Толя опускает на диван свою тяжелую ношу.

А Карапузик от этих слов раздувается, как шарик, от гордости.

– Да, я ужасно большой, и поэтому такой тяжелый!

Толя только рот разинул, услышав умные речи питомца. Тут мама позвала ужинать. Навевшись макарон, друзья легли спать.

Вдруг Карапузик проснулся. В окно на него глядела огромная золотая луна. Пингвинчик подошел к окну и увидел маленькую серебряную дверку. Карапузику стало любопытно – что там, за этой дверкой? Он ее открыл и увидел точно такую же комнату... «Если там все так же, как тут, то почему бы мне не зайти туда?» – подумал Карапузик и уверенно переступил порог. Холодный ветер дунул на него. Во-

круг все было белым и искрилось. Дышать стало легко, дверка и окно куда-то исчезли. Остался только белый лес.

Карапузику стало необыкновенно весело! Ему захотелось бегать, смеяться, играть! Он побежал по снежному лесу, с наслаждением вдыхая морозный воздух.

Карапузик вспомнил, как мама читала Толе сказку о зиме. И там мальчик лепил снеговика и играл в снежки. Он тоже решил слепить снеговика. И у него получилось! А Толя спит и даже не подозревает, как тут здорово! Пингвинчик развернулся и снова увидел окно и серебряную дверку. Он вошел в комнату.

– Толя, вставай! Я видел настоящую Зиму!

Толя быстро вскочил, как только услышал слово «зима». Они вместе вошли в серебряную дверь (она стала чуть больше). Вдруг они увидели, как Дед Мороз и Снегурочка мчатся в санях, запряженных оленями. Снегурочка улыбнулась и кинула им две блестящие коробочки. В одной лежала теплая одежда для Толи, а в другой блестел снежок с уютным кармашком для Карапузика. Они сели и помчались с горки к елке, которая светилась цветными звездочками, а вокруг веселились зверушки.

Анна Ялтанская

Первоклассные сказки

Королевство Цветов

Вот это у меня Королевство Цветов. Это их королева Роза. В Королевстве Цветов очень много жителей. Самые главные жители – это одуванчики. Когда кто-нибудь болеет, им приносят волшебный цветок. А когда растут новые цветы – это значит, что они рождаются на свет. Королева каждый год запускает в небо лепесточки умерших цветов. А когда все, все, даже королева, умирают, то их лепесточки улетают на юг к птицам и там спят, пока не настанет следующее лето.

Девочка Аня

Однажды в одном городе жила девочка Аня. Она за всеми всегда ухаживала и всех всегда любила, особенно птиц. Как-то раз маленький котенок застрял в большой яме, и она его вытащила, и еще она заметила, что у котенка сломана лапка, и она его вылечила.

Однажды во всех маленьких зверюшек мальчики начали кидать камни. Аня сказала, что так нельзя, но они все равно не слушали, и она сказала еще громче. И тогда они испугались и разбежались туда и сюда. А маленьких зверюшек она вылечила...

Про птичек

На юге жили птички. Одно семейство очень боялось ветра: мама, маленькая сестричка и маленький братик, он только-только научился летать.

Однажды мама подумала, что им пора улететь туда, где очень-очень тепло. Птенчики не хотели улететь, потому что, там, где они жили, тоже было тепло. Но очень холодной ночью птенчик чуть не вывалился из гнезда. Мама очень испугалась, и той холодной ночью они полетели в теплые края.

Они летели мимо деревьев, елок и везде-везде уже сто раз пролетали. Потом они встретили очень-очень доброго дятла с длинным носом и спросили: «А Вы не знаете, где теплые края?» Он сказал: «Да, еще немножко – и уже будете там». Но они ему ответили: «Но мы сто раз уже тут пролетали. Ну ладно, полетели, дети!» И они летели, пока не устали. Старший птенчик сказал: «Когда мы уже прилетим?» – «Еще немного, еще немного!»

На следующее утро они летели, летели и, наконец, уже прилетели. Там они со всеми познакомились и начали дружить. Но мама маленького птенчика очень за него боялась, что с ним что-нибудь случится. А через полгода маленький птенчик уже подрос, и

они улетели обратно к себе домой, и все стало хорошо!

Александра Кошолан

Приключения камушка

Жил-был камушек. Жил он хорошо, не скучал. Но однажды его взяли да и бросили. Там, куда он попал, были и молодые, и старые камни. И стал он знакомиться. А потом спросил у одного камня:

– А где мы?

– В вагоне.

– А что такое вагон?

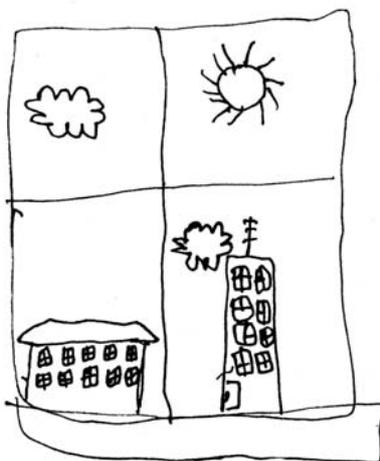
– Вагон – это...

Но договорить другой камень не успел. Он исчез. В полу вагона была дырка. Наш камушек пошел на шорох и тоже выпал из вагона. И попал в реку. Там его съела рыба. Он много плавал и скитался, но

однажды рыба его выплюнула, и свет ослепил его. Что же он увидел, когда привык к свету? Он увидел своих друзей!

На этом сказка кончается.

Георгий Ялтанский

Заяц и лиса

Жил-был заяц по прозвищу Хвастун. А неподалеку жила лиса и прозвище у нее было – Хитрюга. Но зато она была скромной и справедливой.

Наступила поздняя осень. Деревья скинули свою яркую одежду на сырую землю.

Однажды заяц позвал всех лесных зверей на большую поляну и стал хвастаться своей новой шубой.

Звери слушали-слушали заячье хвастовство, и вдруг из толпы раздался голос ежика Колючки:

– А моя шубка лучше!

На ней можно грибы носить для всех! А на твоей только блох таскать!

– Да! Да! – закричали

все.

– Ах, так! – рассердился заяц

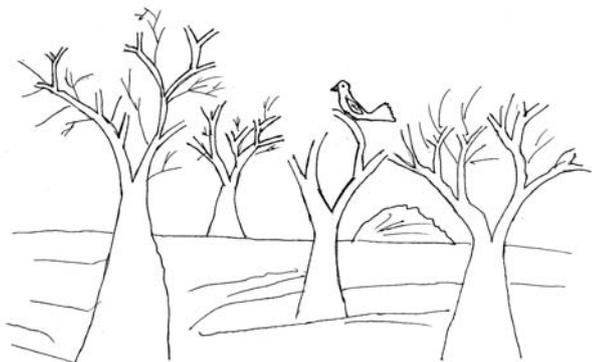
и хотел поколотить ежика.

А тут как тут лиса. Подкралась к зайцу и цапала его...

Александра Мингазова

История карамельной птички

Жила-была птичка. У нее было красивое, изящное гнездышко и пушистенькие птенчики. Однажды птичке встретился орел. Он был голоден. Хищник бросился на маленькую птичку, но она оказалась проворней и помчалась в Страну Фиалок. Но по дороге она заблудилась и попала в Карамельную страну. Птичка села отдохнуть с дороги на дерево и увидела, что уже осень. Но на самом деле осени в этой стране не было! Просто дерево было из карамели. Когда птичка посидела там пять минут, то тоже стала такого карамельного цвета – оранжевая, красная, желтая.

Хорошо там было, в этой стране, но птенчики-то остались дома. И птичка полетела назад, к своему гнезду. А птенчики-то уже выросли в птиц! Они очень обрадовались маме и угостили ужином. И жили все дружно.

Анастасия Батыченко

Флейта принцессы Елизаветы

Лунный свет озарял комнату, где спала принцесса. Ей снилась флейта. Звук флейты ей очень нравился. Флейта была похожа на маленького запеленутого младенца с открытым ротиком, который плачет. И ей, конечно, очень захотелось научиться играть на флейте. А принцессу звали Елизавета.

Она проснулась. Было солнышко. Позавтракав, она рассказала папе-королю про чудесную флейту. Король очень удивился. Он подумал: «Надо же, какой сон!»

Принцесса пошла гулять в сад. И там она опять думала о флейте:

– Наверное, это самый лучший инструмент на свете!

Она гуляла далеко в саду, там, где была вкусная малина. Принцесса уходила все дальше и дальше, а малины становилось все больше и больше. Прошло уже много времени, а принцесса все думала о флейте, а на малину не обращала внимания. Вдруг ей пришла в голову одна мысль, и она помчалась к королю.

Король сказал:

– Ну хорошо, я найду тебе эту флейту.

И объявил по всему королевству, чтобы юноши всюду искали флейту, которая плачет, как младенец. Ведь она волшебная: если дунуть в нее, исполняются три желания. И юноши стали искать эту флейту. Они обскакали полкоролевства, но ничего не нашли.

Далеко-далеко от дворца, в лесу, в маленькой избушке жила девочка, которую звали Мари. Однажды юноши прискакали к ней и постучались. Девочка открыла дверь и поклонилась.

Соловецкие белухи

Опыт наблюдения

Познавать окружающий мир можно разными способами — через наблюдение, эксперимент, моделирование. Я напишу об одном моем наблюдении.

В конце этого лета мне приходилось наблюдать за белухами в Белом море около Соловецкого архипелага. Вокруг Большого соловецкого острова, главного в архипелаге, каждые шесть часов сменяется прилив — отлив. Таким образом, в сутки бывает по два прилива и два отлива. Перепад уровня воды очень высокий — до нескольких метров, и, поскольку остров, хоть и большой по площади (примерно 240 км²), но сам по себе плоский и невысокий (высшая точка 72 м), то вода отступает очень далеко и обнажает шельф. В связи с отливами образуются довольно сильные течения, которые отнесут лодку от берега со скоростью медлительного велосипедиста.

Дно неглубокое, и во время отлива белухи подплывают к берегу, чтобы погреться на мелководье. Мы наблюдали за ними с катера у мыса Белужьего. Поначалу изредка видели только белые и темно-серые спины, да и то вдалеке. Но после того, как бросили якорь и посидели минут пятнадцать, пара белух проплыла почти под нами. Вода там такая прозрачная, что на глубине как минимум пяти метров дно видно до мельчайших подробностей. Так вот, изредка видневшиеся спины показывались все ближе и ближе. Они появлялись раз в десять минут (примерно на столько белухи задерживают дыхание). У них дыхательное горло находится на спине и, чтобы вздохнуть, не обязательно высовывать голову из воды. Когда белухи проплывали рядом, мы смогли их рассмотреть более тщательно. Все самки белого цвета, а самцы — темно-серого. Они очень похожи на дельфинов, за исключением размеров (белуха в длину около 5 метров), и у них не так, как у дельфинов, выдается вперед челюсть.

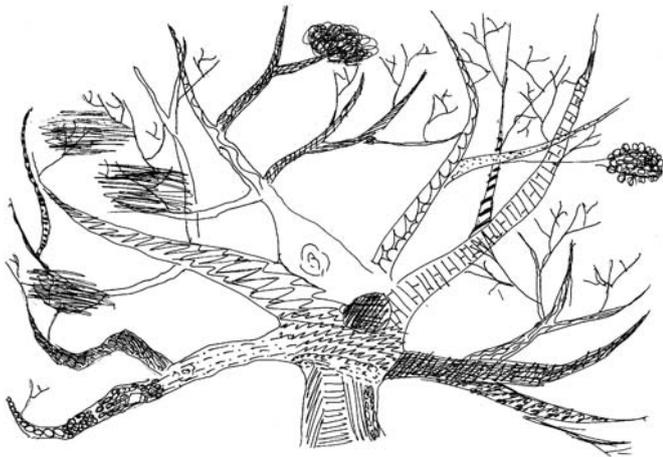
Это невероятно красивые животные, и мне довелось — посчастливилось! — видеть их в дикой природе!

— Проходите, пожалуйста!

Юноши попросили воды, потому что устали с дороги. И Мари пошла за водой.

А пока юноши путешествовали, в королевском замке случилось несчастье — принцесса Елизавета заболела раком. Может быть, ты знаешь, какая это страшная болезнь? Король искал докторов по всему свету. Он сказал: «Кто сможет вылечить принцессу, тот возьмет ее в жены». И юноши опять поскакали. Один из них вернулся к избушке Мари. И вдруг услышал звук флейты. Он постучал в дверь.

— Скажи, Мари, ты не знаешь самого лучшего доктора, который вылечит принцессу?

Мари сказала:

— Я могу ее вылечить. Отвези меня в замок.

А в замке плакали король и королева. Вдруг ворота распахнулись, и вошла девочка с флейтой. Она поклонилась и сказала:

— Где ваша принцесса?

— Вон там, — сказал король и показал дверь направо.

Мари вошла к принцессе и один раз дунула в флейту. И сказала:

— Пусть принцесса выздоровеет!

Потом она дунула второй раз и сказала:

— Пусть принцесса никогда не болеет!

А потом она дунула третий раз и сказала:

— Пусть в королевстве никто никогда не болеет раком!

Когда флейта кончила петь, Мари подарила ее Елизавете. Она же добрая девочка. В замке устроили пир горой. И еще были танцы и фейерверк.

А потом юноши отправились по домам. Потому что принцесса еще маленькая для свадьбы.

Песни зимы

Поэзия и проза учеников и учителей школы «Рождество»

Чайник, который хотел стать боевой трубой

Чайник был замечательный – красный, пузатый, со свистком в носу и блестящей ручкой на макушке. Папа, Мама и Мальчик собирались вокруг него за завтраком. И чайник ловил каждое слово утренних разговоров. Особенно интересно было то, что рассказывал Мальчик, который целыми днями играл в солдатиков. От него Чайник узнал, как грохочут пушки, как звенят сабли и кричат раненые. Ему казалось, что интереснее этой боевой жизни нет ничего на свете. Во всяком случае, так говорил Мальчик, когда нехотя собирался в школу, волоча по коридору портфель. Папа и Мама выбегали за ним следом, шаркнув ключом в замке. А Чайник, холодный и одинокий, оставался на плите. И никто, даже Мальчик, не мог и подумать, что в эту минуту Чайник шумно вздыхает и ворчит:

– Ну почему, почему я все время должен торчать на кухне в обществе чашек и вечно мокрого полотенца? Почему я должен каждый день делать одно и то же? На-до-е-ло! В жизни так много всяких приключений, а я пропадаю здесь, и ничегошеньки интересного! Почему я не стал, например, трубой, звонкой и легкой? Ведь я же просил мастера на заводе: «Ну что тебе стоит, переделай, пожалуйста, ну всего один разик, а?» Вперед, марш, марш, уррра! Враги бегут! Солнце играет на моих боках, юный трубач надувает щеки... Ух как здорово! А я? Налил-включил-вскипятил-налил... Эээээх, жизнь...

Но дальше вздохов дело не шло. Чайник ведь никак не мог стать горном или валторной.

Он только очень старался дудеть погромче, когда закипал. Что-то вполне трубное чудилось ему в этих звуках. Пустячок, а приятно...

Однажды вечером Мальчика как-то особенно долго не было видно на кухне. Он явно не торопился к ужину. «Опять заигрался, – подумал с завистью Чайник. – Вот у кого жизнь так жизнь – битвы, победы... Скорей бы пришел, может, сегодня я услышу что-нибудь особенное». Но Мальчик почему-то не приходил. Вместо него появилась Мама с телефоном, прижатым к уху. Она торопливо говорила кому-то про тридцать девять и шесть и ужасное горло. Говорила уже целых пять минут, одновременно пытаюсь открыть упаковку каких-то таблеток. Пальцы не слушались, Мама подцепила блестящую обертку ногтем. «Доктор сказал, если температура не упадет, заберут в больницу... Ну вот, ноготь сломался! Прости, это я не тебе...» – Мамин голос дрожал и спотыкался.

– Так уж сразу и в больницу! – фыркнул Чайник. – Лимончик, кипяток, малинка – и будет наш Мальчик в порядке!

Он тихонько свистнул, чтобы Мама обратила на него внимание. Она схватила спички, и в животе у Чайника сразу стало тепло. Он принялся выводить своим красным носиком специальную чайную песню, слова которой знают все чайники на свете. Но только не кастрюли и не сковородки. Они не желают знаться с чайниками и всегда стоят на отдельной полке.

Мама опять куда-то ушла и не слышала, как старается чайник. А ему стало уже так жарко, что он не просто пел, а пританцовывал на плите, постукивая крышкой.

– Да выключит кто-нибудь, наконец, чайник! – это Папа вошел на кухню с газетой.

Он медленно повернул круглую черную ручку, и газ перестал щекотать пятки Чайника. «Плюм, плюм, плюм», – сказал Чайник, наклоняясь над синей чашкой с маленьким белым котенком, нарисованным у самой ручки. Это была любимая чашка Мальчика. Мама положила в чашку малинового варенья так густо, что чай стал совсем красным, а сверху еще бросила кружок лимона. Она обняла котенка обеими руками, как это обычно делал Мальчик, и медленно понесла чашку из кухни. Чайнику с плиты хорошо было видно, как покачивается кружок лимона, словно спасательный круг на волнах.

В тот вечер Мама без конца подливала в синюю чашку горячий чай, и чайник много раз говорил свое «плюм-плюм». Мальчик пил, пил и пил, а Мама вытирала его лоб махровым полотенцем.

– Ну, как там дела? – спросил Чайник у Полотенца, когда оно, совершенно мокрое, отдыhalo на веревке над плитой. – Как наш Мальчик?

– Уснул, кажется, – устало прохрипело Полотенце.

В самом деле, ему пора было уснуть. За окном давно была ночь. Белые хлопья тихо кружились над улицей и медленно ложились на дорогу, освещенную одинокими квадратами окон. Они гасли одно за другим. Последним было окно в комнате Мальчика. Маленький ночник на тумбочке у кровати наполнял детскую таинственными тенями. Он старательно светил, но все-таки временами предательски моргал – он тоже устал и хотел спать. Мама щелкнула выключателем и вздохнула. Посидела еще немножко в темноте на краю Мальчиковой кровати, поправила сбитое на пол одеяло. Рядом валялся медвежонок, которого Мальчик все еще клал с собой. Мама приткнула его в угол подушки и поцеловала сына в горячую щеку.

Утром Мама вынесла из детской совершенно мокрую подушку и положила на батарею.

– Тридцать семь и девять – это уже кое-что! – сказала она Папе смеющимся голосом и зажгла газ.

«Все-таки не так уж и плохо быть чайником, – подумал Чайник, выпуская пар из носика. – Не так уж и плохо».

Елена Викторовна

Стихи отца Александра из школьного спектакля «Дюймовочка»

* * *

Как одинока ты, душа!
Как будто сирота...
Вот дни, пустотами шурша,
Проходят в никуда.
А люди, встретясь на пути,
Едва ль дадут совет
О том, куда тебе идти,
Чтоб выбраться на свет.
Но тонкий луч тебя ведет
И светит впереди.
Шагать тебе за ним вперед.
Господь, благослови!

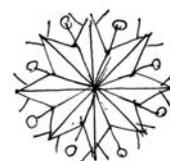

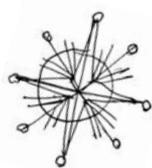
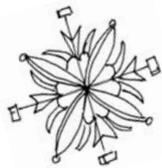
* * *

Что я успела в жизни повидать?
О, жребий мой таинственный и страшный!
Еще вчера меня ласкала мать...
Но как далек прекрасный день вчерашний!
Украдена и брошена в траву,
И всюду стерегут жуки и жабы,
Какой-то бред во сне и наяву,
Как не лишиться разума хотя бы!
Как не лишиться веры в добрый час?
На что душе несчастной опереться?
Смеркается. Вот звездочка зажглась.
Но холодает. Как бы мне согреться?
О, в ком найти, бездомной, мне сейчас
Хоть каплю сострадательного сердца?

Песня ласточки

Еще мне тяжело дышать,
И голос мой так слаб...
Но я уже хочу сказать:
«Ты жизнь мою спасла».
Пускай поранено крыло,
И невозможен взмах,
Но уж от сердца отлегло
И, как сквозь тусклое стекло,
Я вижу в небесах
Свой скорый будущий полет
В страну Прибрежных Скал,
Где каждый с радостью найдет,
Что он всю жизнь искал.

Песня мамы

(из спектакля «Дюймовочка»)

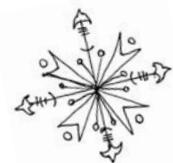
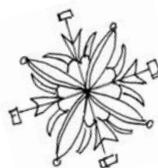
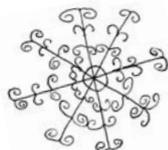
Тебя носила долго
В сердце моем,
Теперь вот несу
В руках...
Скорей проснись, дитя!
Увидишь наш дом,
И свет над ним
В небесах!

Прпев: Радость моя! Благословляю тебя!
Расти, дыши, живи, любя!
И в небеса пусть стремится душа,
Живая душа твоя!

Чтоб ни случилось, дочка,
В жизни с тобой,
Верь, что есть
Чудеса!
Помни, что ты всегда
Любима мной
И Господом
На небесах!

Прпев: Радость моя! Благословляю тебя!
Расти, дыши, живи, любя!
И в небеса пусть стремится душа,
Живая душа твоя!

Татьяна Анатольевна

На белом свете столько слов!
Мы можем ими рассказать
И ими можем описать
Все наши чувства, мысли и любовь.
И мы описываем, часто осуждая
Героев разных и живых людей...
Но посмотрите на себя:
Вы для себя хотите разве осуждений?
Обида – сразу гнев, хотите отомстить
Обидчику Вы Вашему...
Но эти чувства не нужны
нам в нашем теле и душе,
Ведь сердце заполняется дурным!
Но мы бесчувственны в смятенье нашем...
И пропадают в грубости и злости
И сердце наше, и душа...

Елизавета Тютюнджи

Фото Сергея Мамаева

Над серым холодным миром
Отчаянного одиночества,
Над скользкой слякотью
Наших мелких ежедневных обид
Кружится снег,
Новый веселый снег,
Укутывая нас крепко-накрепко
Теплым шарфом Божьей любви.

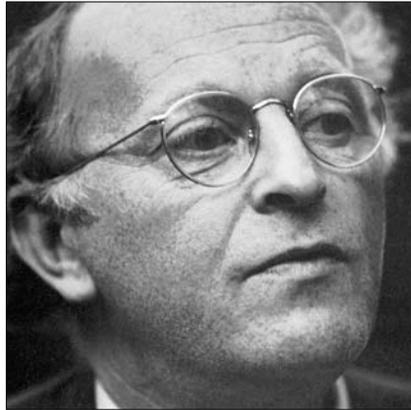
Елена Викторовна

Молитва

Ангел сына моего,
Береги его!
Злую темень отводи
От его груди!
Ранним утром разбуди,
К Богу приведи,
Научи благодарить
И с любовью жить!

Татьяна Анатольевна

Иосиф Бродский, Нобелевский лауреат в области литературы, не был, в строгом смысле, человеком церковным. Но Господь почтил его словесным даром, его перу принадлежат одни из наиболее пронзительных строк о Рождестве Христовом и о Сретении Господнем. Многих нынешних взрослых именно поэзия Бродского парадоксальным образом привела в Церковь, заронила желание читать и перечитывать Евангелие. Однажды Брод-

ского спросили: «Почему Вы христианин?» «Потому что я не варвар», – последовал ответ. В дни праздника Сретения Господня мы с радостью снова публикуем стихи замечательного поэта в нашем школьном журнале, напоминая себе и всем, что «сретение» означает «встреча». Встреча человека и Бога. И Господь каждому назначает свое, единственное место для Встречи. Кому – и среди стихотворных строк. С Праздником!

Иосиф Бродский

Сретенье

Анне Ахматовой

Когда она в церковь впервые внесла дитя, находились внутри из числа людей, находившихся там постоянно, Святой Симеон и пророчица Анна.

И старец воспринял младенца из рук Марии; и три человека вокруг младенца стояли, как зыбкая рама, в то утро, затеряны в сумраке храма.

Тот храм обступал их, как замерший лес. От взглядов людей и от взора небес вершины скрывали, сумев распластаться, в то утро Марию, пророчицу, старца.

И только на темя случайным лучом свет падал младенцу; но он ни о чем не ведал еще и посапывал сонно, покоясь на крепких руках Симеона.

А было поведено старцу сему о том, что увидит он смертную тьму не прежде, чем Сына увидит Господня. Свершилось. И старец промолвил: «Сегодня,

реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
Дитя: он – твое продолженье и света

источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в нем». – Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.
Лишь эхо тех слов, задевая стропила,

кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь, но не в силах спуститься.

И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. «Слова-то какие...»
И старец сказал, повернувшись к Марии:

«В лежащем сейчас на раменах твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод к раздорам.
И тем же оружием, Мария, которым

Сретение Господне. Икона XVI века

терзаема плоть его будет, твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око».

Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значеньи и в теле

для двух этих женщин под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шагал по застывшему храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.

И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой немного:
но там не его окликали, а Бога

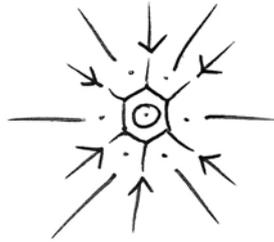
пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.

Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству, лишенному тверди,

он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропой
душа Симеона несла пред собою,

как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропа расширялась.

Март 1972 года

Богоприимце Симеоне, поспеши!
Войди в ветхозаветный тихий храм...
Везде у твоих объятий светит нам
Свет Вседержителя, спасенье душ.

Поздравляю всех
с праздником
Сретения Господня
и настоятельно
советую всем
на богослужении
в этот удивительный
день.
о. А.

